



АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ

ФОРПОСТ



Экспансия: История Галактики

Андрей Ливадный

Форпост

«Автор»

2006

Ливадный А. Л.

Форпост / А. Л. Ливадный — «Автор», 2006 — (Экспансия:
История Галактики)

Двадцать четвертая база ВКС... Единственный форпост Конфедерации Солнц среди множества звездных систем, заселенных враждебными негуманоидами-инсектами. Именно сюда прибыл для дальнейшего прохождения службы лейтенант Иван Дорохов, и именно ему судьба подарила шанс разгадать еще одну загадку Космоса. Хотя вряд ли можно назвать подарком жестокие испытания, выпавшие на его долю в отчаянном противостоянии с Дикими Семьями ксеноморфов.

© Ливадный А. Л., 2006

© Автор, 2006

Содержание

Пролог	5
Часть первая	8
Глава 1	9
Глава 2	29
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Форпост

Пролог

Длинный сумеречный коридор.

Запах пота и металла. Прерывистое дыхание. Солоноватый вкус крови на губах.

Поворот.

Ольга остановилась, поднимая «АРГ-8». В холодном прищуре двадцатилетней девушки нет страха. Она спокойна. По крайней мере, так кажется остальным бойцам ее группы.

Металлокевлар бронезилета преданно льнет к телу.

– Серж, Огюст... – Она не произносит имена вслух, шевелятся только ее губы, а датчики, закрепленные у горла, улавливают микровибрации мышечных тканей и передают сигнал по коммуникационному каналу.

Двое бойцов неслышно возникают из сумерек пройденного коридора.

Впереди зал – огромное полусферическое помещение, за которым вновь паутина замысловато проложенных коридоров, то широких, то узких.

Там тюрьма. Хотя, вернее сказать, – консервационное хранилище, ибо инсекты держат своих узников в особом состоянии, адекватного определения которому попросту нет в человеческом лексиконе.

Запах. Ольга долго училась различать запахи, но упорства ей хватало с избытком, и теперь, уловив характерные флюиды *чужих* организмов, она отдала четкое целеуказание:

– Двое инсектов – прямо, дистанция семьдесят метров. Еще три особи левее, до них – метров сто двадцать. Больше никого не чувствую.

Сергей Немершев слушает спокойно, внимательно. Лишь блеск глаз выдает напряженное внутреннее состояние да еще палец поглаживает сенсорную гашетку «АРГ-8», играя чутким датчиком. Сколько раз говорила ему – не смей трогать спусковой механизм.

– Гасим? – Губы Огюста шевельнулись в жутковатой усмешке.

Садист. Живодер. Но в бою незаменим. Не все ли ей равно, каким способом он убивает врага? Наверное, не все равно, если в голову приходят подобные мысли.

– Без шума.

Огюст кивнул. Немершев наконец убрал палец с гашетки, провел им по самодельному глушителю и тихо ответил:

– Когда выполним миссию,пустишь? Без глушителя? – Он подмигнул Ольге.

– Ты пришел сюда за славой или за смертью? – беззвучно осведомилась она.

– Не угадала. Я пришел убивать. И хочу, чтобы они слышали все, от начала до конца: мои шаги, звук затвора, хочу, чтобы читали мои мысли. – Он презрительно коснулся устройства мнемонического блокиратора. – Отпустишь?

– Отпущу.

– Я с тобой. Буду участвовать, – тут же подхватил идею Огюст.

Ольга лишь сокрушенно покачала головой.

Многого она попросту не понимала.

Не время для размышлений. Позже.

– Вперед. Мы прикрываем.

Две тени исчезли за ближайшим штабелем контейнеров, на смену им из сумрака коридора подтянулись еще двое бойцов, между которыми по принуждению двигался пленный инсект.

Его грубо оттолкнули в угол, чтобы не путался под ногами. Сейчас от него уже нет проку, но убивать насекомоподобное существо нельзя – Ольга твердо пообещала ему жизнь в обмен на сотрудничество.

Она оглянулась.

Антон и Рик похожи друг на друга – оба худощавые, целеустремленные, с лихорадочным блеском в глубоко запавших глазах.

В руках Антона снайперская модификация штурмовой винтовки. Он делает шаг вперед, одна рука, согнутая в локте, опирается о контейнер из черной органики, которую в качестве конструкционного и строительного материала выделяют неразумные особи насекомых.

Вокруг царят плотные сумерки.

Свет насекомоподобным не нужен. По крайней мере, не так, как людям. Выпученные фасетчатые глаза прекрасно приспособлены к «сумеречному зрению».

Они *чужие*. Чужие во всем, начиная от способности к телепатическому общению и заканчивая архитектурой своих построек, несущих неизгладимый отпечаток общественного разума, некоего квазисознания.

Сережа Немершев ошибается, думая, что их будет трясти от ужаса перед смертью. Ничего подобного. Смерть одного насекомого воспринимается муравейником не чувствительнее, чем для человека – отмирание одной клетки в организме. Конечно, клетки тоже бывают разные, мысленно поправила Ольга, но развивать аналогию не стала.

Огюст медленно и неслышно крался вдоль плавно изгибающегося возвышения. Тусклый свет от далеких немногочисленных флуоресцирующих источников освещения ложился на лезвие десантного ножа холодным змеящимся бликом.

Тихо.

Как в вашей могиле... – подумал он, и радуясь, и сожалея, что находящийся в нескольких метрах инсект не может слышать его мысли. Странная все-таки девчонка – их командир.

Огюст не помнил случая, чтобы незнакомый человек за пару недель приобрел такое неоспоримое влияние. Если она открывала рот, то говорила по существу. А смыслом ее бытия являлась *идея*.

Впервые услышав о возможности вырвать людей из рабства у насекомых, Огюст только усмехнулся. Он-то знал, что насекомых не победить. Их можно убивать. Но победить в глобальном смысле нельзя. Патронов не хватит.

За две недели у него накопилось достаточно вопросов к Ольге. Он пока держал их при себе, желая увидеть, как пройдет первая операция под ее руководством. Вообще это нелепо, чтобы отрядом командовала девчонка, да еще едва знакомая. Но она обладала какой-то непонятной, неуловимой силой воздействия, сопротивляться которой так же бесполезно, как ментальному удару сразу нескольких насекомых.

За нее говорили дела. Две недели назад она, не робея, не запинаясь, сухо и доступно изложила свой план. Ее выслушали с понимающими усмешками и разошлись кто куда, по своим делам. Тогда она впервые обратилась лично к Огюсту и... попросила одолжить ей «АРГ-8».

Он попросту опешил от такой просьбы, но она, твердо взглянув в его глаза, добавила:

– Я должна привести доказательства всем вам. С насекомыми можно бороться. Сколько особей я должна убить, чтобы мне поверили?

Он только покачал головой.

– Ты не убьешь ни одного из них, девочка. Не воображай. Если тебе удалось выбраться из их лаборатории, сохранив при этом рассудок, это еще не значит, что ты...

– Сколько?

Две недели назад Огюст совершил непостижимый для себя поступок: он протянул ей штурмовую винтовку, потом, подумав, добавил запасной магазин и нож.

- Десять. Принесешь хитин – пойду за тобой хоть в ад.
- Пойдешь. Обещаю, – твердо ответила она.

И вот он тут. Почти в аду. Со странным, непостижимым для его рассудка устройством на шее, блокирующим мнемонические способности насекомых.

Кому сказать, – рука с ножом напряглась, – я чувствую его запах, а он не слышит мои мысли.

Ольга предупреждала: *действовать тихо.*

Огюст прыгнул, преодолевая невысокую преграду.

Инсект, услышав шорох, начал разворачиваться.

Чтобы тварь ненароком не вскрикнула или, того хуже, – не успела *громко* подумать, он врезал левой в податливый хитин ненавистой морды, одновременно полоснув ножом по горлу насекомого.

Голову инсекта снесло с покатых плеч, тело с невнятным шелестом сползло на пол, а Огюст нагнулся, вытер лезвие о мягкие покровы брюха, посмотрел на отсеченную голову и приложил палец к губам.

Лежи тихо. Мы только начали, – говорил его холодный, беспощадный взгляд.

Часть первая

Ловушка

*На экранах свет тысяч звезд,
Тишь отсеков. Разорваны нервы...
Горсть людей и машин. Форпост.
Каждый знает, что будет первым...*

*Командующему
двадцать четвертой базой ВКС Конфедерации
капитану Мищенко Сергею Дмитриевичу*

По сведениям, опубликованным в ежемесячном обзоре «Все миры», цитата: «...положение, складывающееся в границах населенного инсектами и логрианами скопления О'Хара, сложно назвать обнадеживающим. Скорее оно может обозначаться медицинским термином „стабильно тяжелое“, так как подавляющее большинство Диких Семей расы инсектов не только не желают присоединяться к мирным договоренностям, достигнутым между Конфедерацией и отдельными планетными цивилизациями насекомоподобных существ, но многие из инсектов, проживающих в зоне средней звездной плотности скопления, даже не подозревают о существовании нашей расы, ошибочно принимая людей за харамминов...»

*Секретно.
Директива 16/22.*

В связи с утечкой оперативной информации приказываю исключить отпуска личного состава базы. До сведения офицеров довести недопустимость выдачи конкретных данных в частных разговорах при связи с родственниками. Обеспечить повышенную секретность.

В ответ на ваш рапорт относительно нехватки квалифицированного личного состава приказываю в качестве временной меры прекратить плановую стерилизацию искусственных нейронных сетей кибернетических систем серв-машин и андроидов пехотной поддержки.

Данная мера направлена на недопущение захвата инсектами образчиков исполнительной боевой техники. По мнению специалистов отдела искусственного интеллекта, предложенная мера полностью исключит возможное использование Дикими Семьями инсектов трофейных образчиков техники. О дополнительных мерах безопасности в прилагаемых файлах.

*Командующий
группировкой сил скопления О'Хара
адмирал Латышев*

Глава 1

Система Y-604, шаровое скопление О'Хара

Зона средней звездной плотности...

– Заходи, лейтенант, садись. – Капитан Мищенко указал на кресло и добавил, пресекая попытку уставного приветствия со стороны вновь прибывшего офицера: – Брось, не на Элио, чай... Обойдемся без условностей.

Такое пренебрежение к формальной дисциплине могло показаться признаком царящего на базе ВКС бардака, но тут галактлейтенант ошибся.

– Давай документы. – Капитан принял чип, воткнул его в считывающее гнездо своего кибстека¹ и посмотрел на крохотный дисплей. – Так... Иван Андреевич Дорохов, галактлейтенант, спецбригада охраны Логриса. – Бровь капитана удивленно приподнялась. – Проходил мнемоническую подготовку?²

– Полный курс, – кратко ответил Дорохов, еще не решив для себя, следует ли поддерживать предложенный неформальный тон общения.

Мищенко вновь взглянул на дисплей кибстека, хотя мог и не делать этого – вся информация транслировалась в его рассудок через стандартный порт височного импланта.

– И как же, Иван Андреевич, вместо повышения по службе – к нам? – Мищенко пытливо посмотрел на него.

По лицу лейтенанта скользнула тень.

– Там все зафиксировано.

– Знаю. Но не люблю официальных формулировок. – Сергей Дмитриевич мысленно отдал распоряжение бытовому автомату, и на краю рабочего стола бесшумно поднялся подвижный сегмент с двумя чашками кофе.

– Крепче пока не предлагаю. – Капитан, чуть прищурясь, наблюдал за реакцией молодого офицера. – На чтение рапортов и отчетов уходит время, – пояснил он. – А человека все равно не знаешь. Вот здесь, к примеру, зафиксировано: пилот первого класса. Владеет всеми видами космической и планетарной техники. Прошел курс специальной подготовки. Как мне это понимать? Кто ты? – Взгляд Мищенко оставался доброжелательным, несмотря на кажущуюся резкость слов. – Вышколенный убийца на службе Конфедерации или офицер по чести и совести?

– Вам решать, – ответил Иван, сделав глоток кофе.

– Вот я и решаю... – Мищенко усмехнулся. – За что избил старшего по званию?

– Честно?

– А как иначе? – Капитан отключил кибстек и сцепил пальцы рук в замок. От Ивана не укрылось, что руки у Сергея Дмитриевича в ссадинах. Бьет подчиненных? Нет, вон след химического ожога. Наверное, недавно помогал техникам в каком-то ремонте? Что-то староват он для капитана. Непонятно, ведь должность командира базы ВКС как минимум адмиральская...

¹ Кибстек – персональный кибернетический модуль, оснащенный системой голографического проецирования. Как правило, используется в качестве личного компьютера. Исполнен в виде браслета, крепится на запястье.

² Мнемоническая подготовка – курс обучения, преподающий расширенные навыки прямого управления кибернетическими системами при помощи мысленного интерфейса команд. Реализуется на базе стандартного импланта, оснащенного модулем распознавания мысленных образов, или специализированных нейромодулей (дополнительное, или, в просторечье, – избыточное имплантирование).

Мищенко будто прочел его мысли.

– Нас тут не так уж много, лейтенант. База ВКС – звучит громко, а офицеров – по пальцам сосчитать можно. Все больше кибермеханизмы вместо штатного состава. Так что давай по-честному. Нам с тобой, быть может, завтра – в пекло, плечом к плечу.

– Даже так?

– Так. – Мищенко отпил кофе. – *Форпост*. – Он произнес это слово, будто подвел черту, за которой по умолчанию оставлял все громкие, претенциозные названия. – Мы одни, среди чуждых цивилизаций. Здесь случайные люди долго не живут. Посему можно отступить на время от субординации, – есть смысл говорить открыто, – ты рассказываешь о себе как на духу, а я в ответ ввожу тебя в курс оперативной обстановки, без штабного словоблудства, идет?

Иван кивнул.

Странный мужик этот Мищенко... – подумалось ему.

– История у меня банальная, – произнес Иван. – Наша бригада осуществляла «силовое» прикрытие Логриса. Патрулирование запретных для полетов зон, обеспечение безопасности дальних подступов, реже – контроль территории близлежащих планет. Ближе к древней машине, в тесном контакте с ней работают мнемоники Конфедерации. Именно они осуществляют настоящую защиту, контролируя виртуальное пространство. В основном штат мнемоников – это молодые девушки.

– Любовь?

– Нет, – покачал головой Иван. – Они стараются держаться обособленно. Однако пару раз крепко выручали нас в бою.

– На Логрис были нападения? – Капитан выглядел удивленным.

– Посмертное копирование личностей в Логры доступно не всем, – ответил Дорохов. – К примеру, лица, нарушившие закон, лишаются права на виртуальное существование после смерти. Но спрос всегда рождает предложение: на черном рынке можно купить кристалл, в подпольной лаборатории скопировать в него личность, дело остается за малым – доставить «левый» логр в запретную зону и интегрировать его в массу кристаллов самого Логриса. Это криминальный бизнес, в котором вращаются огромные деньги. Идиотов, которые нападали бы на саму машину, нет, но нарушение периметра охраны не такое уж редкое явление.

– Ясно. Мнемоники выручали вас в боях, и что дальше? При чем тут драка, за которую тебя перевели из элитной части к нам?

– Отдыхали мы после патрулирования. Как водится, пошли в виртоданк.³ Там все и произошло. Девушка-мнемоник оказалась за соседним столиком, сидела тихо, никого не трогала. Они всегда сами по себе, даже отдыхают в одиночестве... – Иван рассказывал скупое, нехотя. – Короче, подсели к ней двое штабных, оба майоры.

– Приставали? – Мищенко опять прищурился – видно, такая у него была привычка.

– Если бы. Издеваться начали. Два недоумка. Она могла вырубить их одним ментальным ударом, но терпела. Обычному человеку вообще трудно понять мнемоников. Чаще из-за непонимания их недолюбливают и побаиваются. А эти двое уже изрядно выпили, берега совсем потеряли. Завелись на нее, мол, не дело, когда всякие *имплантированные* мешают своим присутствием нормально отдыхать «боевым офицерам». Девчонка совсем побледнела, губы поджала, непонятно, расплчется сейчас или мозги им сдвинет... В общем, не выдержал я, подошел, хотел по-человечески, но куда там. Переключились на меня майоры, один в драку полез. Сломал я ему руки.

– Обе?

– Обе. Как нас учили.

– Ну, вроде рядовой случай. Всякое бывает, – пожал плечами, заметил Мищенко.

³ Виртоданк – аналог ночного клуба с модулями виртуальной реальности.

– Нет, оказалось, что пострадавший из батальона спецсвязи и в штабе флота у него «высокие друзья». Приказ на меня пришел уже на следующий день. Даже с ребятами из эскадрильи попрощаться не дали. Час на сборы – и сюда. Вот и вся история.

– Действительно банально... – Капитан Мищенко протянул Дорохову микрочип. – Данные я скопировал, выводы сделал, забирай.

Иван молча убрал чип в нагрудный карман униформы.

– Значит, водил «Тайфун»? Командир звена?

– Бывший, – уточнил Дорохов, чтобы окончательно расставить все точки.

– Ладно, лейтенант, что было, то было. Думаю – сработаемся. У нас на базе, кстати, тоже есть подразделение мнемоников. Теперь слушай, что я тебе скажу: первое правило, которое нужно усвоить, – забудь обо всем, что тебе когда-либо говорили о скоплении О'Хара, Диких Семьях инсектов и нашей «дружественной политике» по отношению к братьям по разуму.

– Все так плохо?

– Все нормально. Штатная боевая ситуация, когда не знаешь, с какой стороны сегодня... – Мищенко не закончил фразу, переключившись на другую тему: – Некомплект офицерского состава – шестьдесят процентов. До ближайшей системы Корпоративной Окраины – 37 световых лет. База построена как транспортно-технический узел для поддержки картографических и разведывательных операций Совета Безопасности Миров, но это «де-юре». Фактически мы были и остаемся единственным форпостом Конфедерации в данной части скопления. – Сергей Дмитриевич включил голографический монитор, на котором выделился внушительный объем пространства, включающий сотни близко расположенных звездных систем.

– Теперь об инсектах, плотно населяющих планеты в зоне нашей ответственности, – продолжил он. – На сто процентов, – подчеркиваю, на *сто процентов* – это Дикие Семьи. Они никогда не подписывали никаких договоренностей с Конфедеративным Содружеством, к нам относятся, как привыкли относиться к гуманоидам, которые в сознании насекомоподобных существ обобщенно ассоциируются с расой харамминов, то есть их реакция на наше присутствие в секторе варьируется от настороженной подозрительности до открытой агрессии. Теперь о самих Семьях. Все, что пишут и говорят о них в галактических средствах массовой информации, лишь сотая доля правды. На самом деле они – не «несчастные, деградировавшие анклав великой цивилизации», как это принято считать, списывая все их выходки на регресс и дикость. – Мищенко встал, прохаживаясь по кабинету. – Они действительно пребывают на разных уровнях технического и социального развития, некоторые регрессировали, но таких мало. Фактически каждая вторая планета инсектов имеет свой, пусть минимальный космический флот, но что самое неприятное – они находятся в постоянной конфронтации друг с другом. Борьба за жизненное пространство, за ресурсы не прекращается ни на день, и это обстоятельство существенно усложняет выполнение любой поставленной перед нами задачи. К примеру, сейчас мы имеем в зоне ответственности три картографических миссии, одну археологическую экспедицию и всевозрастающее число частных космических кораблей, которые прибывают в скопление, наивно полагая, что инсекты будут с ними торговать. Часть «предпринимателей» нам удается спасти, но некоторые пропадают бесследно вместе с кораблями. Кроме прочего, нами обнаружено пять очагов космических поселений расы логриан. Они относятся к нам дружелюбно, но из-за своего врожденного пацифизма нуждаются в защите. В ответ они оказывают посильную техническую помощь, даже предоставили некоторые из своих уникальных технологий. К примеру – вот этот прибор. – Мищенко коснулся своего уха, за которым оказалось закреплено незнакомое Ивану устройство. – Мнемонический блокиратор, – пояснил он. – Как известно, инсекты являются природными телепатами. Логриане, не признающие насилия над личностью, широко использовали эти устройства для защиты от телепатических способностей «братьев по разуму». Компактный прибор, потребляет минимум энергии, зато надежно блокирует любые попытки чтения мыслей или телепатического воздействия. Однако у каждой

медали есть обратная сторона. – Капитан вновь сел в кресло. – Недостаток этого прибора в том, что он мешает работе имплантов, то есть человек, в свою очередь, не может отдавать мысленные дистанционные приказы исполнительным механизмам.

Иван, выслушав длинный монолог своего нового командира, выглядел озадаченным. Действительно утверждения капитана Мищенко шли вразрез с общепринятыми мнениями.

– Не загружайся особо. Втянешься понемногу, хотя гарантировать тебе время на раскачку не могу. Ситуация постоянно меняется. Сегодня тихо, завтра война, только не смотри на меня как на ксенофоба, ладно? Мы инсектов, как правило, не трогаем, но им жутко не нравится сам факт военного присутствия Конфедерации. Большинство Глав Семей предпочли бы видеть на месте базы скопление обломков. Пока им не удастся предпринять серьезные действия, в основном из-за внутренних междоусобиц, хотя попытки атак со стороны отдельных Семей уже были.

– И какая задача в действительности стоит перед нами? – Иван постепенно начал вникать в обстановку.

– Говоря простым, понятным языком, главная задача – выжить. Не больше и не меньше. При этом мы обязаны обеспечивать эскорты различных миссий Совета Безопасности и, в меру своих возможностей, помогать особо рьяным бизнесменам, везущим инсектам «плоды цивилизации» в надежде обогатиться на меновой торговле.

– А что могут им предложить инсекты? И вообще, как относятся они к торговцам?

– Как к добыче. Конечно, есть люди, способные выторговать у них изрядное количество артефактов, но таких мы отлавливаем сами.

– Почему?

– Да потому, что инсектов в плане меновой торговли интересует только оружие. Наше оружие, – недобро усмехнувшись, пояснил Мищенко.

– А свое?

– Есть и свое, – кивнул капитан. – Деградация расы инсектов – это миф. У них существуют собственные уникальные технологии вооружений, постройки кораблей. Рассказывать долго, проще будет, если ты сам ознакомишься с техническими справками.

– Сделаю, – кивнул Иван.

– Теперь по тебе конкретно. «Тайфуны» на базе, конечно, есть, но в силу особой специфики службы мне приходится выжимать из офицеров все, на что они способны. Так что, – Мищенко подмигнул Ивану, – готовься: будешь водить и серв-машины, и транспорты – скупать не дам.

– Серв-машины какого типа? – сразу уточнил Дорохов.

– В смысле? – удивился подобному вопросу капитан. – Как обычно. «Фалангеры», «Хоплиты», есть один «Ворон», но он в резерве. Для особо тяжелых случаев.

– Я не о том, Сергей Дмитриевич, меня интересует схема управления сервомеханизмами.

– «Одиночки», – коротко осведомил его капитан. – Имеешь фобии относительно искусственных интеллектов? – тут же поинтересовался он.

– Нет, не имею, – ответил Иван. – Но, насколько я знаю, нейросети «Одиночек» периодически стерилизуются, чтобы машина не переступала определенный порог саморазвития.

– Только не у нас, лейтенант, – спокойно ответил Мищенко. – Инструкция отменена по моему приказу. Под личную ответственность, так сказать. Знаю, ты сейчас, наверное, вспомнил об учебниках истории? – Капитан дождался кивка и пояснил: – Кристаллосхемы «Одиночек», как ты знаешь, накапливают в нейромодулях не только конкретный боевой опыт, они вольно или невольно принимают эмоциональное состояние пилота, его характер мышления. Учитывая хронический некомплект личного состава, я предпочитаю допускать к управлению серв-машинами тех офицеров, которым полностью доверяю. Таким образом, у меня в резерве всегда находится несколько боевых сервомеханизмов, способных действовать самостоятельно

в сложной оперативной обстановке, но их поведение адекватно поведению тех людей, с кем «Одиночки» вступали в прямой нейросенсорный контакт. Улавливаешь?

– Улавливаю, – ответил Иван. Он сталкивался с подобной ситуацией только теоретически и не мог сейчас выдать категоричного суждения – оправдан подобный риск или нет?

Историческое наследие Галактической войны предостерегало от такого рода экспериментов, а трактовка капитана Мищенко еще не гарантировала, что модули «Одиночек» однажды не перехватят инициативу... *Впрочем, судить пока рано*, – мысленно одернул себя Дорохов.

– Ну что, лейтенант, давай закругляться с формальностями. Обстановку в общих чертах я тебе обрисовал. Легкой службы не обещаю, но сутки на адаптацию, пожалуй, дам. Осмотрись, познакомься с личным составом, почувствуй атмосферу на станции. Есть ко мне вопросы?

– Пока нет. Как появятся – задам.

– Не проблема. Появятся вопросы – отвечу. Носить в себе и молчать – не рекомендую.

– Я понял.

– Тогда иди, устраивайся. – Мищенко протянул руку. – И прошу не путать панибратство с боевым братством, договорились?

Иван пожал сильную, сухую ладонь.

Перспективы, скупо обрисованные командиром базы ВКС, гарантировали, что скучать, как полагал Иван, тут не придется.

* * *

Вещей у Дорохова было немного: к тридцати пяти годам он, отдавая почти все время службе, незаметно для самого себя привык к тесноте отсеков, стандартным планировкам орбитальных станций или космических баз. Несколько сувениров с далеких планет, кристаллы с видеозаписями, пара кибстеков (один именной от командующего флотом), парадная форма – вот, пожалуй, все личные вещи, что привез с собой Иван.

Отыскав отведенную ему каюту, он лишний раз убедился в неизменности гарнизонного быта: стандартное помещение жилого модуля станции отличалось от предыдущих разве что незначительными деталями интерьера. Кейс с его вещами сиротливо стоял подле встроенного в переборку шкафа, спать не хотелось, и он решил внять совету капитана Мищенко: познакомиться с офицерами.

Где искать личный состав, не занятый в данный момент на службе, гадать не приходилось.

«Коридор жилого модуля никогда не оканчивается тупиком», – бородастая дежурная шутка, на самом деле в точности соответствующая действительности.

Перед Иваном услужливо распахнулись двери помещения, где, по негласной, сложившейся в космическом флоте традиции, все были равны: от рядового до адмирала.

Неформальная обстановка бывает разной – эту истину Иван усвоил сразу по окончании училища, когда менять гарнизоны приходилось по несколько раз в год. Эмосфера, царящая в кают-компаниях станций, всегда с точностью отражала сложившиеся в подразделениях отношения, по ней можно было с уверенностью судить, куда ты попал – на заштатную караульную службу в тыловом гарнизоне или в условия, приближенные к боевым: если офицеры не чурались проводить часы отдыха вместе с подчиненными, значит, тебя ждут напряженные боевые будни...

Иван осмотрелся.

В дымном прокуренном сумраке помещения звучала ностальгическая мелодия кьюганского вальса, к чистым нотам элианских скрипок примешивался передаваемый переборкой глухой ритм ультрасовременного «энерго». Попавший в поле зрения Ивана официант (стандартный бытовой агрегат: цилиндрический корпус, тускло подсвеченные ряды сенсорных кнопок, отображающих пункты меню, четыре гибких манипулятора) выглядел неважно: один

из штатных манипуляторов отсутствовал вообще, несколько латок на корпусе подозрительно походили на заделанные пулевые отверстия...

Взгляд быстро адаптировался к сумраку. Иван разглядел стойку, за которой традиционно возвышался сложный кибернетический комплекс, двух андроидов, подающих напитки, и хотел для начала пройти туда, но его остановил голос:

– Ба, да нашего полку прибыло!.. Давай к нам, лейтенант.

Он повернулся.

Вопреки всем нормам безопасности несколько столиков были сняты с крепежных кронштейнов и сдвинуты вместе так, чтобы за ними могла разместиться компания человек в десять.

Сейчас там сидели четыре офицера, один из них, со знаками различия полковника ВКС на расстегнутом кителе, обернулся, призывно подняв руку.

– Давай, не стесняйся.

Иван, знакомый с традициями (и уважавший их), последовал приглашению. Прежде чем сесть в свободное кресло, он кивнул собравшимся, коротко представившись:

– Галактлейтенант Дорохов Иван Андреевич, к вашим услугам, господа.

В ответ встал только один офицер.

– Галакткапитан Фирсов. – Он протянул руку для пожатия. – Приятно видеть нового человека. Присаживайся, лейтенант.

К столику подкатил официант.

– Предлагаю эригонский клирк, за встречу и знакомство, господа. – Дорохов сделал ударение на последнем слове. Он не обижался на полковника, тот был сильно пьян и, похоже, находился не в духе, а вот два молодых лейтенанта могли бы оторвать задницы от кресел.

– Поддерживаю. – Полковник криво усмехнулся. – Билл Хански, – представился он. – Давно прибыл?

– Пару часов назад, – ответил Иван, заинтересованно потрогав латку на корпусе бытовой машины.

– Угрюмов стресс снимал, – проследив за его жестом, пояснил Фирсов.

– И как? Без последствий?

– Без. – По лицу галакткапитана промелькнула тень. – В госпитале сейчас. Тяжелое ранение. Двух ведомых потерял.

Иван не стал расспрашивать о подробностях инцидента, сделал заказ и отпустил машину.

Его взгляд вернулся к лейтенантам, но полковник безнадежно махнул рукой.

– Не трать на них свое внимание. Представятся позже.

Только сейчас Иван заметил, что оба лейтенанта как минимум не в себе, и причиной тому было вовсе не опьянение.

– Первый бой. С ходу попали в мясорубку. Я им эреснийской травы порекомендовал.

– Ясно. – Дорохов теперь видел, что глаза у молодых офицеров стеклянные.

– Ну, – тем временем продолжил свой монолог полковник, – как тебе наш командир? Получил уже промывание мозгов от него?

– Не понял? – сощурился Иван.

– Скоро поймешь. – В интонациях Билла Хански прозвучала нескрываемая злоба. – Идеальный... Где только берут таких. Не знаешь, часом, лейтенант? «Если не мы – то кто?» – скривившись, передразнил он Мищенко. – Ты его больше слушай. Знаешь, почему мы тут сидим в полной... – Он не окончил фразы, безнадежно махнув рукой. – Потому что штабу флота плевать на скопление. Только Мищенко этого не понимает. Почему нам не дают нормальных пополнений? Где боевые мнемоники? Где штатные соединения? Нету. Все брошено на разведку Вертикалей. А мы здесь во имя чего должны умирать? Нет, ты ответь, лейтенант? Вокруг одни инсекты, перспектив – ноль, новые колонии явно будут возникать не тут. Раз уж рассекретили свойства Вертикалей, зачем нам прорываться через скопление? Молчишь? А я

тебе скажу: чтобы внимание привлекать. Экспансия пойдет другим путем, а мы – смертники. Кто-то ведь должен внедрять в сознание насекомых, что людей трогать нельзя? Вот мы и внедряем...

Иван молча слушал полковника, еще не зная, как отнестись к подобным «откровениям».

– Ну молчи, молчи... Заткнет тобой Мищенко очередную «дыру», вспомнишь мои слова...

* * *

Двое суток спустя. Скопление О'Хара

Район патрулирования фрегата «Раптор»...

Предостережение Билла Хански сбылось необычайно быстро.

На следующий день после прибытия на базу Иван проснулся от назойливого сигнала тревоги.

Инструктаж, полученный от капитана Мищенко, был коротким:

– Через два часа в точку гиперсферного всплытия выйдет «Раптор». Тебе предстоит автономный поиск, лейтенант. Два дня как потеряли связь с группой археологов. Извини, но сейчас, кроме тебя, посылать туда некого. Так что давай – ровно час на сборы.

– Борт семнадцать, на связи ходовая рубка. Вышли на низкую орбиту. Отстрел штурмового носителя на втором витке.

– Понял вас. К отстрелу готов. Бортовые системы в норме. – Иван находился совершенно один на борту штурмового носителя класса «Нибелунг». Две легкие серв-машины, запаркованные в десантных боксах штурмового носителя, служили для него слабым утешением – он водил «Хоплитов» лишь на симуляторах да в условиях полигонов.

– Удачи, лейтенант. Мы вернемся через семьдесят два часа. Передавай привет археологам.

– Обязательно...

Первое самостоятельное задание. Дорохов понимал: для порученной ему операции нужен как минимум взвод космической пехоты с обязательной орбитальной поддержкой, но, как его и предупреждал капитан Мищенко, выбирать не приходилось: получил приказ – исполняй.

Задача перед ним стояла вроде бы пустяковая, но, даже не успев вжиться в обстановку, царящую в скоплении, Дорохов понимал: если археологическая экспедиция не вышла на связь, то вряд ли молчание может быть объяснено тривиальной поломкой передатчика.

Вакуум-створ фрегата начал открываться, демонстрируя феерию звездного огня.

Десятки близко расположенных светил (расстояние между отдельными системами в зоне средней звездной плотности не превышало одного-двух световых лет) сияли, как драгоценные камни в скупой оправе черного бархата. Казалось, что свет шел отовсюду.

– Приготовиться. Пошел обратный отсчет.

Стартовая плита дрогнула, начиная выдвигаться в проем открывшегося вакуум-створа.

– Электромагниты удержания выключены. Предварительный импульс!

Многотонный «Нибелунг» плавно отделился от стартовой плиты, одновременно получив ускорение по курсу.

Все. С этого момента я предоставлен самому себе, – промелькнула в рассудке Дорохова мысль, которая заставила его сосредоточиться, отдавая все внимание контролю над автоматическими системами штурмового носителя.

На дистанции в пятьсот метров автопилот включил двигатели планетарной тяги, и громада фрегата начала стремительно удаляться.

Скупое подсвеченный габаритными и навигационными огнями вытянутый силуэт «Раптора» истаявал на экранах заднего обзора, растворяясь на фоне холодного звездного огня, а впереди, по курсу штурмового носителя, рос шар планеты, густо испятнанный разводами серой облачности.

Механизм пилот-ложемента мягко вобрал первые импульсы ускорения, компенсируя возникающие перегрузки.

Иван пока что следил за обстановкой, не вмешиваясь в работу автоматики. Три голографических дисплея, проецирующих данные от различных систем обнаружения, свидетельствовали: орбитальный маяк на месте, параметры орбиты искусственного спутника имеют отклонение в рамках разрешенной погрешности, тестовый обмен данными с аппаратурой, обеспечивающей временный канал гиперсферных частот, успешно завершен.

Значит, передатчики в порядке, и проблема кроется не в зоне орбит, а непосредственно на поверхности планеты.

За двое суток, истекших с момента его прибытия на базу ВКС Конфедерации, которую все называли просто – *форпост*, Дорохов, естественно, не мог *лично* убедиться в справедливости оценок, услышанных им от капитана Мищенко.

Однако не доверять полученной информации у него тоже не было никаких оснований. Ломка стереотипов всегда неприятна, ему же, получившему военное образование на Элио, поначалу казалось диким, абсурдным и непонятным – почему в среде человеческих миров прижилось поверхностное и зачастую ложное представление о скоплении О’Хара и цивилизации инсектов в частности?

Действительно, на поверку получалось, что в состав Конфедеративного Содружества вошли всего полтора десятка Семей насекомоподобных существ, населяющих планеты, расположенные у границ Рукава Пустоты,⁴ в то время как истинное количество заселенных инсектами миров, по последним данным, исчислялось сотнями.

Как могло получиться, что всего в двух прыжках от столицы Конфедерации любой человеческий корабль попадал, мягко говоря, в «недружественное» окружение?

Ответ, со слов капитана Мищенко, казался простым, а потому правдоподобным: инсектам, населяющим скопление, не было никакого дела до содружества трех рас и до цивилизации людей в частности. Они не вынашивали экспансивных планов в отношении миров Обитаемой Галактики, но данный участок космоса считали своей территорией и не желали терпеть тут чье-либо присутствие, как военное, так и коммерческое. Однако людям для продвижения вперед, дальше, вдоль спирального рукава Галактики, требовались навигационные и технические базы, расположенные непосредственно в скоплении. Конфедерация не могла отказаться от развития, которое суть – постоянная экспансия к новым звездным системам.

Пока что разрешить ситуацию дипломатическим путем явно не удавалось – эти сведения Иван почерпнул из переданной ему командиром базы информационной справки, помеченной грифом «для внутреннего пользования». Из отчета аналитического отдела становилось ясно: насекомоподобные существа неохотно шли на контакт, памятуя о своей жестокой тысячелетней борьбе с расой харамминов, которые несколько миллионов лет назад полностью контро-

⁴ Рукав Пустоты – огромное пространство без звезд, образовавшееся в результате противостояния исчезнувшей расы дельфонов с Предтечами – древней формой космической жизни. До событий 3800 года часть пространства Рукава Пустоты занимало не поддающееся обнаружению, скрытое вуалью логрианских устройств скопление О’Хара.

лировали скопление, куда, спасаясь от нашествия Предтеч,⁵ были вынуждены эмигрировать расы инсектов и логриан. Рабское, зависимое положение инсектов сохранялось очень долго. Исторические свидетельства той эпохи чрезвычайно редки и расплывчаты, не вызывал сомнения лишь факт массового восстания инсектов, изгнавших голубокожих гуманоидов из большинства систем скопления О'Хара.

Историю древнего мира приходилось собирать буквально по крохам. Но легче от воссоздания событий миллионнолетней давности не становилось. Потомки строителей знаменитой Сферы Дайсона⁶ не желали подчиняться чьей-либо воле и даже не принимали к рассмотрению вопрос о массовом переселении на просторы постепенно восстанавливаемой Сферы. Каждая отдельно взятая Семья инсектов проводила собственную политику, преследуя узкие, сиюминутные цели и интересы. Между планетами вспыхивали и угасали кровопролитные войны, часто целые флотилии насекомоподобных существ начинали миграцию между мирами, отовлекая для себя новые жизненные пространства, при этом любые корабли, оказавшиеся на их пути, захватывались либо уничтожались без надежды на переговоры.

По сути, между людьми и инсектами лежала бездонная семантическая пропасть, которую еще только предстояло преодолеть.

Теперь Иван понемногу начал понимать, почему от рядовых граждан Конфедерации тщательно скрывают истинное положение дел в скоплении.

Если сложить вместе население сотен подконтрольных инсектам планет, то цифра получалась внушительной, а, учитывая агрессивность Диких Семей и наличие у них космических средств передвижения, обнародование некоторых данных могло вызвать непредсказуемые последствия.

Сейчас главной задачей для ВКС Конфедерации являлось изучение и картография скопления. Среди сотен миров находились не заселенные инсектами системы, чаще всего непригодные для жизни вообще. Терраформирование мертвых планет, создание на их базе космических инфраструктур навигации и связи в конечном итоге позволят цивилизации людей в буквальном смысле «просочиться» сквозь заслон скопления О'Хара и вновь выйти на просторы неосвоенного космоса.

Именно такая цель ставилась перед личным составом немногочисленных передовых постов.

* * *

Планета росла на экранах обзора.

Штурмовой носитель класса «Нибелунг» приближался к одному из не заселенных инсектами миров, который, ко всему прочему, таил загадку тысячелетней давности – на поверхности планеты был обнаружен покинутый людьми цоколь – зародыш города-мегаполиса, который обычно возводился машинами в местах посадки колониальных транспортов эпохи Великого Исхода.⁷

⁵ Предтечи – примитивная жизненная форма древнего космоса.

⁶ Сфера Дайсона – циклопическое сооружение расы инсектов, построенное вокруг звезды. Для строительства использовалось вещество планет системы. Управлялась фотонным кристаллическим мозгом, получившим у людей имя «Интеллект». Колонизирована в начальный период Первой Галактической беженцами с разных планет. Около тысячи лет человеческое поселение Сферы находилось в изоляции от остальной цивилизации. Вторично открыта в результате реанимации «Интеллекта» (искусственный фотонный сверхкомпьютер инсектов) и трагических событий на Луне-17, ледяном спутнике планеты Эригон. Позже, в период борьбы с харамминами, Сфера была возвращена ее историческим хозяевам, но человеческие поселения внутри конструкции инсектов сохранились, получив особый статус, по последней статистике, количество рабочих особей минимально.

⁷ Цокольный этаж – типовое защитное сооружение, как правило, возводимое кибернетическими механизмами на месте посадки колониального транспорта, еще до пробуждения основного состава колонистов. Все корабли, покидавшие Землю в

Археологическая экспедиция Совета Безопасности Миров как раз занималась поиском ответа на вопрос: почему не состоялась колония и куда исчезли триста тысяч колонистов, которых не исследованная в ту пору гиперсфера занесла сюда, в скопление О'Хара?

Связь с археологами прервалась трое суток назад, но в глубине души Иван все же надеялся, что ничего трагического за это время не произошло.

Учитывая, что непосредственно в системе звезды не зафиксировали появления кораблей инсектов, надежда на благополучный исход его миссии была велика, однако, получив ряд предупреждений, Дорохов не спешил с окончательными выводами.

Два орбитальных витка на зондирование, затем, если дистанционная разведка не даст результата, снижение и посадка.

Он спокойно работал, не поддаваясь предчувствиям, не строя ложных, преждевременных выводов.

Легкий толчок возвестил о старте атмосферных зондов.

Пока они сближались с планетой и выполняли маневр для плавного снижения с широким охватом сканирования, Иван связался с навигационным спутником, оставленным на орбите еще в период первоначальной картографической разведки системы.

Ничего примечательного ему обнаружить не удалось. Данные предварительного сканирования полностью подтверждались – никаких аномалий метрики пространства, кроме явного следа гиперсферных маневров «Раптора», сенсоры спутника не зарегистрировали. Значит, постороннее присутствие исключено. Но почему в таком случае бесплодны постоянно выполняемые в автоматическом режиме попытки связаться с исчезнувшей группой археологов?

Аппаратура спутника исправна, тест «плавающего» канала гиперсферных частот дал положительный результат.

Может, возникла природная аномалия на самой планете? Например, резкое ухудшение погоды, ливневые дожди или, напротив, – песчаная буря?

Иван терялся в догадках. Возможно, тут оказала влияние солнечная активность... Вариантов было множество, и он надеялся, что сейчас сканеры зондов дадут наконец конкретный ответ или, по крайней мере, подскажут направление поиска.

Тридцать минут спустя, когда штурмовой носитель вошел в зону низких орбит, маневрируя, чтобы в любой момент начать вхождение в атмосферу, Иван, получив подробную информацию от зондов, понял, что каким-либо простым явлением молчание группы археологов вряд ли удастся объяснить.

Планета, как и говорилось в описании, принадлежала к мирам кислородного типа, с так называемой «дружественной» биосферой; благодаря наклону оси на поверхности происходила смена времен года, местные сутки равнялись тридцати с половиной часам универсального времени.⁸

Картографической миссией Совета Безопасности здесь был обнаружен покинутый цоколь. Собственно, группа археологов была прислана сюда для выяснения обстоятельств исчезновения людей. По мнению Ивана, вариантов могло быть два – колонисты либо пропустили что-то важное в исследовании биосферы, либо здесь имело место недружественное отношение Диких Семей инсектов, населявших планеты соседних систем.

К сожалению, археологическая партия только приступила к изысканиям, и никаких предварительных отчетов в распоряжении Дорохова не оказалось.

период так называемого «Великого Исхода», несли на своем борту необходимое оборудование и механизмы (материалы для строительства цоколя добывались машинами непосредственно на колонизируемой планете).

⁸ Эталоны универсального времени в Обитаемой Галактике равны земным.

Значит, буду разбираться на месте, – подумал он, отдавая автопилотам «Нибелунга» приказ на осуществление маневра снижения и посадки, место для которой он избрал в двухстах километрах от заброшенного цоколя.

Садиться подле древнего сооружения было рискованно, Иван всегда предпочитал действовать исходя из наихудших предположений, так надежнее, а все неожиданности при подобном подходе автоматически превращались в приятные сюрпризы.

На борту «Нибелунга» большинство ангаров, предназначенных для подразделения серв-машин, пустовало, только в двух технических боксах возвышались в ожидании своего часа два легких разведывательных «Хоплита».

Вот они и помогут мне разведать цоколь и определить местоположение базы археологов, – мысленно рассудил Иван.

На быстрый и благополучный исход спасательной операции он уже не рассчитывал. «Нибелунг», начиная снижение, постоянно транслировал запрос на всех возможных частотах связи, но планета молчала. Предполагать, что все без исключения передатчики, включая личные коммуникаторы участников экспедиции, вдруг оказались неисправны, было бы глупо.

А Мищенко и не говорил, что будет просто.

Единственное, что вселяло надежду, – это политика Совета Безопасности при подборе кадров для подобных экспедиций. По имевшимся у Ивана сведениям, все археологи в прошлом были людьми военными.

Пока он размышлял над нюансами складывающейся ситуации, штурмовой носитель прекратил попытки связи и, задействовав режим максимальной маскировки, начал снижение.

Несколько сообщений, появившихся на информационном экране, свидетельствовали, что обе серв-машины находятся в режиме активации.

Иван следил за показаниями приборов, но в зоне эффективного сканирования все оставалось спокойно, никаких чужеродных кораблей, техники, впрочем, как и явных признаков недавнего человеческого присутствия.

Планета Y-406. Два часа позже...

А какой прекрасный был день!

Солнце светило по-весеннему тепло, ласково, снег таял, ноздреватые сугробы истекали мутными ручейками талых вод, кое-где уже виднелись пучки пожелтевшей прошлогодней травы, над землей плыли свежие, пьянящие ароматы, предвещающие обновление жизни.

В такие дни хочется отрешиться от суеты и дышать, созерцать, душой вбирая признаки обновления, думать о чем-то, не относящемся к заботам повседневной службы.

Но в пьянящий весенний воздух вкрадывались иные флюиды – вот легкий ветерок донес со стороны реки особый, неповторимый букет запахов: пахло нагретой броней и резким, не свойственным природе концентратом озона.

Тревожные, зовущие запахи, сбивавшие лирический настрой.

Галактилейтенант Дорохов встал с поваленного ствола дерева.

Справа высился лес, впереди туманилась пойма реки, слева и сзади простирались покрытые снегом поля.

Практически «земной эталон», – подумалось ему. Даже метаболических имплантов не потребовалось, разве что антибактериологические дыхательные фильтры, которые пропускали запахи, но уничтожали все микроорганизмы.

Расчехлив электронный бинокль, Иван осмотрел горизонт.

До угловатого, местами обрушенного временем цоколя оставалось два километра. Зародыш несостоявшегося мегаполиса возвышался на равнине за рекой. Два часа пристального наблюдения не выявили недавних следов человеческой деятельности либо энергетической

активности механизмов. Судя по всему, древняя постройка, относящаяся к эпохе Великого Исхода, в данный момент была полностью заброшена. Даже тепловые аномалии отсутствовали. Не просматривался ни термальный всплеск от работы термоядерного реактора, ничего, что свидетельствовало бы о функциональности систем титанической постройки, возведенной более тысячи лет назад на месте посадки неидентифицированного (пока не идентифицированного, мысленно поправился лейтенант) колониального транспорта.

Вообще, странная планета. Мир, входящий в состав одной из окраинных систем скопления О'Хара, не заселен ни инсектами, ни людьми. Ну, относительно насекомоподобных существ понятно: климат для них неподходящий, слишком холодно, но люди? Почему все же не состоялась колония? Что помешало развитию мегаполиса?

Именно на этот вопрос искала ответ археологическая экспедиция Совета Безопасности Миров.

Не могли у них отказать все рации вплоть до личных коммуникаторов. Иван все более убеждался, что не зря посадил «Нибелунг» на солидном удалении от цоколя. С археологами что-то случилось. Возможно, у древней постройки его также ожидают неприятные сюрпризы. Датчикам спутника можно верить лишь до определенной степени, в конечном итоге одиночный корабль инсектов вполне мог проскочить, прикрывшись от сенсоров планетой.

Не зверье же сожрало археологов, – мрачно размышлял Дорохов, направляясь к своему «Хоплиту». Против представителей местной биосферы у археологов имелось адекватное оружие, да и сами они, судя по прочитанному отчету, мужики не робкого десятка. В скоплении О'Хара работали специалисты «двойного профиля», ученых мужей из числа йогов-теоретиков сюда не посылали, подбирая кадры для экспедиций из числа бывших военных.

Нет, местные формы жизни отпадают, – Иван поднялся в рубку серв-машины, сел в кресло пилот-ложемента и, пока система закрепляла выдвижные дуги амортизационного каркаса, взглянул на датчики сканирующих систем.

Тишина. Зловещая, не предвещающая ничего доброго тишина.

Иван?

Он невольно вздрогнул, когда в его сознании прозвучал переданный через имплант синтезированный голос бортовой киберсистемы.

В разговоре с капитаном Мищенко Дорохов сказал, что не испытывает никаких фобий относительно «Одиночек». В тот момент он был уверен, что говорит правду, но на проверку все оказалось много сложнее. Конечно, он проходил полную виртуальную подготовку, однако первый практический опыт ясно дал понять, что между симуляторами и *реальными* ощущениями лежит настоящая пропасть.

Он привык управлять «Тайфуном» – машиной, рассчитанной на непосредственное управление *человеком*. Кибернетическая система многоцелевого истребителя являлась набором исполнительных программных модулей, которые не пытались интерактивно общаться с пилотом и никак не тянули на определение «искусственный интеллект».

Слышать в своем рассудке голос кибернетической системы, которая, по всем признакам, осознавала факт собственного бытия, было *жутковато*. С первых минут общения Иван старательно давил в себе чувство подсознательного недоверия к искусственному разуму. У него попросту не было времени на адаптацию, и приходилось стоически переносить факт явной неполноценности пройденной несколько лет назад виртуальной подготовки.

Слушаю, – так же мысленно ответил он. – *Докладывай*.

У Ивана не вызывал удивления тот факт, что в его сознании звучит женский голос – так проектировались все «Одиночки»: для мужчин включался женский аудиоряд, для женщин-пилотов, соответственно, мужской. Психологи считали, что таким образом быстрее возникают устойчивые взаимосвязи между кибернетическим ядром серв-машины и человеком.

Возможно, они знали свое дело, но Ивана здорово напрягал этот голос, чьи хрупкие интонации плохо ассоциировались с мощностью сорокапятитонного сервомеханизма.

На сенсорах только фоновая активность. Напоминаю: инсекты не имеют собственной температуры тела.

Это ты к чему? – насторожился Иван.

Есть доля вероятности, что в руинах цоколя засада. Мои сканеры не могут обнаружить термальных всплесков, но это не значит, что впереди все чисто.

Принял к сведению. Начинаем движение.

Он указал взглядом ориентир, и «Хоплит», выпрямив ступоходы, широкой тяжелой поступью направился к серому, местами разрушенному сооружению, на наклонных стенах которого уже растаял снег.

Ведомая машина, также управляемая «Одиночкой», двигалась следом, соблюдая боевую дистанцию.

* * *

Времени на адаптацию у него действительно не оказалось.

Мнемонический удар обрушился внезапно, когда до сорванных с направляющих створов исполинских ворот, открывающих доступ в недра цоколя, оставалось не более пятисот метров.

Ивану казалось, что он готов к немедленному отражению любой опасности, но воздействие на его рассудок оказалось столь внезапным, столь сокрушительным, что на миг помутилось в глазах. Не обладай он специальной подготовкой, удар такой силы вырубил бы его сознание, но в спецбригаде Логриса практиковалась жесткая система тренинга – пилотов обучали противостоять не только физическому противнику, но и ментальным атакам.

Сознание помутилось, но не погасло...

«Хоплит» даже не сбился с ритма тяжелой поступи.

В следующий миг воздействие истончилось, и он услышал, как включилась внутренняя аудиосистема.

– Мнемонический блокиратор активирован дистанционной командой. Ядро системы в боевом режиме. Имплант заблокирован, задействована громкая связь.

Дорохов с трудом сглотнул вставший в горле ком.

Ни фрайга себе, шарахнуло ...

Он знал, что «Одиночка» фиксирует его взгляд, направляя сенсоры и нацеливая орудия⁹ в точку, куда смотрит пилот.

Реверс.

«Хоплит» на миг остановился, затем начал медленно отступать, удерживая под прицелом темный провал, ведущий в недра цоколя.

– Выше. За осыпью.

Иван поднял взгляд в указанном направлении.

Точно. За иззубренной, осыпавшейся стеной, из которой торчали прутья проржавевшей арматуры, внезапно промелькнула сгорбленная тень, и вдруг руины на краю исполинской постройки осветила вспышка ракетного запуска.

⁹ Существует несколько типовых конфигураций вооружения серв-машин, разработанных уже после окончания Первой Галактической. Благодаря унификации креплений оружейных пилонов «Хоплит-17М», которым управлял Дорохов, в отличие от серийных машин эпохи Земного Альянса, мог оснащаться подвесными орудиями либо лазерами, в то время как «Хоплиты» Альянса традиционно вооружались бортовыми ракетными установками, расположенными на жестких «приливах» брони по бортам рубки.

Нервный звуковой сигнал взвизгнул и смолк одновременно с резким разворотом торсового привода и сухим трескучим залпом двух подвесных орудий. Первая очередь поразила выпущенную ракету, вторая хлестнула по пролому в стене, где промелькнула фигура инсекта.

Кустистые, белесые разрывы щедро осыпали непрочную, растрескавшуюся стену, вниз посыпались обломки бетонных конструкций, пролом расширился вдвое, на миг показав узнаваемые фигуры насекомоподобных существ, карабкающиеся по древней осыпи к верхним полуразрушенным этажам возведенных на цоколе зданий.

Сзади с утробным рокотом разрядились орудия ведомой машины, одна из построек (где скрылись инсекты), не выдержав, начала оседать, поднимая облако бетонной пыли...

Хорошая работа, нечего сказать. Так можно с успехом снести половину цоколя.

Иван злился, потому что не мог понять, кем он является в данный момент – биологическим придатком кибернетической системы, больше стесняющим ее действия, или все же направляющей волей, которой подчинена мощь сервомеханизма?

– Прекратить огонь!

– Принято.

В рубке на миг наступила тишина, была слышна лишь работа боевых эскалаторов, подающих боекомплект к подвесным орудиям.

– Контролировать подступы к цоколю! Ведомый, контроль воздушного пространства! – Он коснулся сенсора, и пилот-ложемент послушно раскрылся, позволяя пилоту встать.

– Иван, ты покидаешь машину?

– Нечего расходовать боекомплект, – огрызнулся Дорохов. – На месте не стоять, маневрировать. На ракетные запуски отвечать прицельным огнем. При появлении воздушных целей докладывать немедленно.

– Лимит времени?

– Час.

Выбравшись из рубки «Хоплита», Дорохов спрыгнул на землю. Мнемонический блокиратор был включен, и повторный ментальный удар ему не грозил.

Какого фрайга понадобилось насекомым ползать по оледеневшему, заброшенному цоколю?

Теперь о судьбе археологов стоило обеспокоиться всерьез.

– Первый, как слышно?

– Связь устойчивая.

– Отступите метров на триста. Все внимание воздушному пространству.

– Подразумевается атака со стороны корабля инсектов?

– Не исключено. Не телепортировались же они сюда!.. – Иван уже карабкался по наклонной стене, используя для опоры многочисленные трещины.

Парадокс, но сейчас он чувствовал себя увереннее, чем под защитой брони «Хоплита», значит, действительно покривил душой, когда говорил капитану Мищенко, что фобий относительно «Одиночек» у него нет.

Нужно взять инсекта. Живым. Хотя бы одного, иначе можно без толку обшаривать руины в поисках исчезнувших археологов...

И все же, на что им сдалась эта планета? – Мысли билась о черепную коробку в такт физическим усилиям. – Холодно, климат сезонный, ради чего они насмерть замерзали тут, ожидая, пока кто-то прибудет на поиски археологов?

Вопросы. Только вопросы.

Рука уцепилась за край иззубренной стены. Вокруг в стылом воздухе все еще клубилась едкая бетонная пыль, и, подтянувшись, Дорохов опустил забрало боевого шлема, включив автономную систему подачи воздушной смеси.

Под ногами шуршал покрытый белесым налетом щебень, сканеры проецировали на полупрозрачное забрало сюрреалистические контуры руин – все же колонисты приступили к строительству первого яруса жилых кварталов, прежде чем загадочно исчезнуть...

Иван рывком пересек открытую всем ветрам площадку и, прижавшись спиной к стене углового здания, осторожно выглянул в сумеречное ущелье улицы.

На тротуарах и проезжей части, укрывая уродливые обломки, толстым слоем лежал подтаявший ноздреватый снег. Видно, солнышко редко заглядывало сюда...

По хрупкому насту тянулись две цепочки следов. Иван проследил взглядом за отчетливыми отпечатками, отметив здание, в котором скрылись инсекты.

Он уже собирался пересечь улицу, когда три фигуры внезапно появились в поле зрения, поочередно прыгнув из оконного проема первого этажа.

Сканеры автоматически взяли увеличение.

Не слабо... Двое инсектов были вооружены громоздкими импульсными лазерами, закрепленными через плечи и грудь при помощи специальной, сплетенной из толстых, но пластичных жгутов подвески. Если Ивану не изменяла память, такие установки являлись собственным изобретением насекомоподобных существ. Одна из древнейших технологий, изначально подобные устройства применялись при строительстве Сферы Дайсона, боевое крещение они получили уже позже, в период вынужденной миграции инсектов в скопление О'Хара.

Третий представитель расы насекомых нес на плече заряженный тубус реактивной пусковой установки.

Времени на раздумья не оставалось, и Иван вскинул «ИМ-200», плавно коснувшись сенсора огня.

Две короткие очереди повалили инсектов, вооруженных лазерами, третьего Дорохов не тронул, рассчитывая взять живым.

Выскочив из-за укрытия, он стремительно рванулся вперед, дистанция между ним и оставшимся в живых инсектом не превышала ста метров, но все же лейтенант понял, что не успевает: вместо того чтобы бежать, насекомоподобное существо развернулось и...

Ослепительный, бездымный сполох ракетного запуска заставил Ивана ничком рухнуть на землю, и вовремя: реактивный снаряд пронесся в полуметре над ним, по счастью влетев в оконный проем здания, которое содрогнулось от полыхнувшего внутри взрыва.

Мелкие осколки бетонного щебня и сгорающего на лету пластика еще барабанили по экипировке, когда он вскочил, изо всех сил рванувшись вслед оставшемуся безоружным инсекту, который, отбросив дымящийся тубус, убегал вдоль улицы, даже не пытаясь скрыться в одном из близлежащих домов.

Дорохов уже почти настиг противника, когда за спиной громко ударил одиночный выстрел, и пуля (отнюдь не шариковая), выпущенная скорее всего из «АРГ-8», навывлет пробила голову инсекта, с визгом срикошетив от стены.

Проклятье...

Лейтенант едва не налетел на безвольно оседающее в снег, фактически обезглавленное тело.

Резко развернувшись, он приблизительно сориентировался на выстрел, и термальная оптика сканеров внезапно показала на фоне оконного проема второго этажа близлежащего здания смутный контур человеческой фигуры.

* * *

Человек, бессильно привалившийся к запорошенному снегом пластиковому подоконнику, выглядел прескверно.

На его осунувшемся лице в данный момент жили только глаза. Иван понимал, что перед ним один из сотрудников археологической экспедиции, но тут что-то не стыковалось по времени, – как за трое суток можно так отощать?

– Ну, блин, снайпер... – Иван поднял забрало боевого шлема, открывая лицо. – Зачем стрелял?

– Ненавижу... – тихо выдохнул незнакомец. Его голос прозвучал, как шелест пожухлого осеннего листа, скребущего по асфальту.

Присев на корточки рядом с ним, Дорохов достал автоматическую походную аптечку.

– Замерз?

– Терпимо... Не узнал меня, лейтенант?

Иван, прижав анализаторы прибора к шее археолога, внимательно всмотрелся в осунувшиеся черты лица.

Дьяволы Элио... Это же начальник экспедиции!.. Дорохов запомнил его лицо, просматривая информационный файл при получении задания.

– Лагутин?.. Илья Андреевич?..

Тот молча с усилием кивнул.

– Что они с вами сделали?

– Пытали, – едва слышно ответил археолог. – Сколько – не помню. Все – будто кошмарный сон...

– Зря вы стреляли. Мне нужен был инсект для допроса.

Лагутин некоторое время молчал, затем, собравшись с силами, ответил:

– Давай на «ты», лейтенант, теперь вместе горе мыкать... А эта тварь все равно больше моего не знает. Они исполнители, переходная форма... – После нескольких инъекций Лагутину стало значительно лучше, на бледных щеках даже появились пятна румянца.

– Переходная форма? – переспросил Дорохов.

– Ну да. Слышал об эволюционном механизме деградации?

– Слышал, – кивнул Иван. – Когда инсектам грозит перенаселение, часть их особей прекращает интеллектуальное развитие.

– Верно. Эти, – Лагутин неопределенно кивнул за окно, – нечто среднее между рабочей и полноценно мыслящей формой.

– Бойцы с зачатками разума? Не слышал о таких...

– Можешь верить мне на слово, – хрипло произнес Лагутин. – Минимум интеллектуальных способностей им необходим для ведения мнемонических допросов.

Иван хмуро посмотрел за окно, делая вид, что контролирует пространство улицы. На самом деле ему потребовалось некоторое время, чтобы осмыслить только что прозвучавшее утверждение.

– Что с остальными? – наконец спросил он.

– Ты об экспедиции?

– Да.

– Их взяли в плен. Двоих убили, четверо точно у них в руках... Вернее, в лапах.

– А вы, Илья Андреевич?

– Сбежал. Поймали, по-моему, сегодня утром. Не могу поручиться, во время мнемонического допроса часто терял сознание.

– Где их корабль? На нем содержат пленных?

Лагутин посмотрел на Ивана мутным, полным боли взглядом и вдруг произнес:

– А нет никакого корабля, лейтенант. Разгадали мы тайну этой колонии... Вот и наварались...

– Так где в таком случае люди? – Иван чувствовал, что сбит с толку туманными пояснениями начальника экспедиции.

Тот сглотнул, дернув кадыком на худой, покрытой щетиной шее.
– На другой планете. Где – не знаю. Мы раскопали древний портал...

* * *

Час от часу не легче... – Дорохов сплюнул в снег. Хотелось курить.

– Вставайте, Илья Андреевич, вам нужно в тепло. Да и комплексная медицинская помощь не помешает.

Лагутин поморщился.

– Я же сказал, лейтенант, давай без формальностей. Слух режет. – Он привстал, опираясь на протянутую руку, затем нашел взглядом древнее оружие, цепко ухватил его, всем своим видом давая понять, что бросать реликтовый механизм не собирается. – Просто Илья, договорились?

– Извините, машинально выходит... – Ивана сейчас заботили иные, более серьезные вопросы. – Первый, – произнес он в коммуникатор.

– На связи, – тут же откликнулась кибернетическая система его «Хоплита».

– Обстановка?

– На сканерах чисто. Признаков присутствия космического корабля не обнаружено.

Иван мысленно оценил ситуацию.

До места посадки «Нибелунга» двести километров. Гнать его сюда нецелесообразно. Однако Лагутина нужно срочно доставить на борт носителя, где имеются аппараты искусственного поддержания жизни. Осматривая пожилого, исстрадавшегося, едва держащегося на ногах археолога, Иван всерьез опасался, что организм Ильи Андреевича может отказать в любую минуту. Подобное физическое истощение могло вызвать любые и – что самое неприятное – непредсказуемые последствия.

Пока он раздумывал, как поступить, Лагутин, опираясь на «АРГ-8», тяжело приподнялся и привалился к краю пролома, чтобы отдышаться.

– Сколько у тебя машин, лейтенант? – спросил он, отыскав взглядом две темные точки у горизонта.

– Два «Хоплита», – ответил Дорохов. Скрывать количество боевых единиц не имело смысла. – А в чем дело?

– Я не могу сейчас лечь на реабилитацию, – сухо ответил Лагутин.

– Не геройствуйте, Илья Андреевич, – покачал головой Иван. – Вам нужна интенсивная терапия.

– Знаешь, что мне действительно нужно?

– Ну?

Лагутин зачем-то полез во внутренний карман своей изодранной одежды.

– На, подключи. – Он достал два похожих друг на друга микрочипа.

Дорохов указал взглядом на кибстек, закрепленный поверх экипировки. Оперировать микрочипами в гермоперчатках не очень-то удобно.

Илья Андреевич кивнул, вставил чипы в резервные гнезда для съемных носителей информации, и Иван, не рискнув отключать мнемонический блокиратор, опустил проекционное забрало боевого шлема, чтобы прочесть данные, появившиеся в оперативном окне информационной подсистемы.

Первый чип содержал персональные данные Лагутина, среди которых, помимо прочего, фигурировала запись о воинском учете офицера запаса.

– Значит, вы командовали серв-соединением? – Голос Дорохова прозвучал глухо из-под опущенного забрала.

Лагутин кивнул.

– Галактикапитан запаса. Ребят выручать надо... – негромко произнес он, но в тихом голосе Ильи Андреевича прозвучали металлические нотки отчаянной решимости, заставившие Ивана призадуматься.

Не наделает глупостей? Можно ли ему доверять в полной мере? Дорохов хорошо понимал меру собственной ответственности: одно дело позволить Лагутину оставить при себе древний автомат и совершенно иное – допустить его в рубку боевой серв-машины.

– Тебя почему пытали? Что хотели узнать?

Щека Лагутина дернулась. Нервное.

– Думал, что ты и не спросишь... Инсектов интересует форпост. База ВКС.

– Готовят нападение?

– Лейтенант, ты осторожный или глупый? – Лагутин говорил отрывисто, с сиплым придыхом. – Не обижайся... – Он все же попытался загладить прозвучавшую резкость. – Меня вывернули наизнанку, и интересовали их исключительно впечатления, полученные во время пребывания на базе. Все, что я видел, слышал и даже не думал, что запомнил.

– Да понял я... – Дорохов отнюдь не пасовал перед моментально усложнившейся задачей, но ему все же требовался какой-то, пусть минимальный промежуток времени для принятия здорового решения. Археологов, без сомнения, нужно выручать, но слова Лагутина меняли ситуацию в корне. С одной стороны, действовать следовало жестко, немедленно, с другой – он не имел понятия о количестве и качестве противника. Что такое стационарные гиперсферные тоннели, создание которых практиковали инсекты еще в период расцвета своей цивилизации, он знал, по крайней мере, в теории. Серв-машины через такой тоннель пройдут, а вот «Нибелунг» через портал не протащишь.

Что даст мне возвращение на базу?

Ничего. Туда должна отправиться информация, а моя задача не выполнена и на десятую часть.

Моментально вспомнилось, как прямой нейросенсорный контакт с системой серв-машины внезапно обнаружил его неподготовленность.

– С «Одиночками» работал? – спросил он у Лагутина.

Тот кивнул.

– Ты поторопись, лейтенант. Они вернутся. Инсектов было не трое, десятка полтора. И портал, что мы нашли, вполне функционален. Схема вырисовывается элементарная. Нас взяли как приманку. Знали, что помощь будет прислана с базы, которой они так интересуются. Сейчас инсектам уже известно, что прибыл ты один. Меня они бросили, даже не добив. Думай – почему? Только не нужно недооценивать противника.

– Хотели, чтобы я получил информацию о портале?

– Не только. Они стремятся сбить тебя с толку, заставить нервничать, дергаться. А сами тем временем готовят группу захвата. Для *настоящего* допроса им нужен ты, а не я.

Слова Лагутина звучали убедительно. Но для того, чтобы получить нужные сведения и при этом не раскрыть собственных планов, инсекты должны захлопнуть ловушку не только на планете, но и в космосе.

Вывод напрашивался сам собой. Их корабли находятся неподалеку. Чтобы блокировать планету по первому сигналу.

Лагутин был прав: промедление в такой ситуации подобно смерти.

– Пошли. – Иван принял решение. – Спускаемся вниз. Пока не поднимем «Нибелунг» для прыжка к базе, ты – мой ведомый.

– Дело. – Лагутин коснулся плеча Ивана, останавливая его.

– Ну? – Дорохов обернулся.

– Мы не уйдем с планеты?

– Нет. Отправим штурмовой носитель, продублируем его прыжок сообщением на экстренном канале ГЧ и выдвигаемся к порталу. Ребят твоих выручим, не волнуйся. Мне теперь без координат планеты, откуда они собираются ударить, возвращаться не с руки.

– Тогда пошли. – В глубоко запавших глазах Ильи Андреевича блеснул злой огонек.

Нормальный мужик лейтенант. Другой бы не решился... – подумал он, вслед за Дороховым выбираясь из здания.

Стиснув зубы, он старался не отставать, хотя действие стимуляторов уже почти прекратилось, и каждый новый шаг давался ему с невероятным трудом.

Заметив, что Лагутин отстает, Иван сбавил темп.

– Спуск почти отвесный...

– Справлюсь, – прохрипел Лагутин. – Ты на меня пореже оглядывайся, лейтенант. Дай только до рубки «Хоплита» добраться. Там будем на равных. – Он говорил, чтобы не сосредотачиваться на физических усилиях. – Слышал о системе звезды Непрун? Планета там есть – «Счастье» называется. Такое вот каламбурное сочетание.

– Слышал. – Они вышли к краю цоколя, и Иван уже отцепил карабин тонкого страховочного фала. – Нужен ремень от оружия, – потребовал он, решив, что изодранная одежда Лагутина не выдержит нагрузок при спуске.

Получив необходимое, он быстро смастерил недостающий элемент снаряжения.

Через минуту Илья Андреевич уже начал спуск, но его голос некоторое время все еще отчетливо раздавался в стылой напряженной тишине:

– Сколько тебе лет, лейтенант?

– Тридцать.

– Ну, а мне уже за шестьдесят... Уволен в запас по состоянию здоровья, после ранения. Четверть века назад это было...

– Где воевал?

– Там, на «Счастье». – Голос Лагутина теперь доносился издалека. – Защищали планету от боевых реликтовых механизмов. Теперь там вроде бы колония.

– Да, – скупой отзывался Иван. Судя по длине опущенного троса, спуск практически завершен.

Точно. Страховочный фал несколько раз дернулся, затем ослаб и начал автоматически сматываться, накручиваясь на барабан микролебедки, закрепленной на поясе Дорохова.

– Первый, на связь. – Иван внезапно почувствовал, как кожу на затылке стягивает пробежавшими по телу мурашками. Нет, это не дело. Нужно наладить контакт с «Одиночкой». Впереди – неизвестность, а дергаться в бою, неадекватно воспринимая машину и, хуже того, подсознательно не доверяя ей, никуда не годится.

Несущая частота отзывалась щелчком случайной помехи. Система «Одиночка» ждала его распоряжений.

– Приказ ведомому: выдвигаться к основанию цоколя. Ты прикрываешь. Связь с системой «Нибелунга».

– Исполнено.

Иван сознательно задержался наверху. Сейчас, связавшись с автопилотами штурмового носителя, он запустил нужные командные последовательности и вновь переключился на частоту «Хоплита».

– Контролируй старт «Нибелунга»! – приказал он. – Зашифруй сообщение для передачи на канале ГЧ: «На планете обнаружено военное присутствие расы инсектов. По сведениям, полученным от начальника археологической миссии Лагутина Ильи Андреевича, экспедицией выявлено наличие активного портала, аналогичного известным устройствам, характерным для расы насекомоподобных существ. Двое археологов погибли, четыре человека пленены и перемещены через стационарный гиперпространственный тоннель. Лагутин подвергся мнемони-

ческим пыткам, допрос велся с целью получения данных по системам противокосмической обороны базы ВКС. В сложившейся ситуации считаю целесообразным проведение автономного поиска с перемещением по гиперпространственному тоннелю. Прошу обеспечить прикрытие точки выхода и техническую поддержку работоспособности древнего устройства, контроль времени – сорок восемь часов. Данные по точному месторасположению портала прилагаются.

Галактилейтенант Дорохов».

– Принято. «Ниbelунг» начал выполнение предстартовых процедур.

– Прикрывай. Я спускаюсь.

* * *

Оказавшись у подножия цоколя, Иван протянул Лагутину кодон доступа в рубку управления ведомого «Хоплита». Электронный ключ не только отпирал входной люк, но и подтверждал полномочия его обладателя на управление серв-машиной.

– Постой. – Илья Андреевич сжал микрочип в ладони. – Инсекты могли воздействовать на мой рассудок. Прикажи «Одиночке», чтобы отсканировала мой разум на первых секундах нейросенсорного контакта.

Дорохов кивнул и отдал нужные распоряжения.

Похоже, что Лагутин вполне доверял кибернетической системе серв-машины.

– Есть еще одна проблема, Илья Андреевич. Тебе придется использовать мнемонический блокиратор. Его применение не позволяет пользоваться передатчиками импланта.

– Это не проблема, Иван. Используй шунт прямого кабельного соединения. Он расположен в нише под правым подлокотником. Технология старая, но проверенная. Гарантировано – не подведет.

Иван молча кивнул, оценив его лаконичный совет.

Он все еще испытывал двойственность восприятия, ощущая, насколько не готов оказался к нейросенсорному контакту с искусственным интеллектом. Управлять «Тайфуном», с этой точки зрения, было намного проще. Вероятно, привычка во всем полагаться только на собственные решения мешала ему воспринимать «Хоплит» как часть себя самого – подспудно ощущалось незримое присутствие еще одного рассудка, словно в момент нейросенсорного контакта с машиной происходило раздвоение личности.

Нет времени на адаптацию, – подумал он, глядя, как Лагутин, прихрамывая, идет к застывшему неподалеку боевому сервомеханизму. – *Либо я сумею принять «Одиночку», либо мое неприятие ровно наполовину понизит эффективность любого из совершаемых действий.*

У горизонта уже обозначилось характерное зарево – двигатели штурмового носителя завершили предстартовый прогрев и начали поднимать «Ниbelунг» в зону низких околопланетных орбит, откуда открывалась возможность передачи данных по каналам гиперсферных частот.

Глава 2

Система У-406. Район посадки колониального транспорта «Надежда»...

Корабли насекомых появились внезапно.

Иван едва успел подняться в рубку «Хоплита», когда на включившихся голографических экранах, окружающих пилот-ложемент, внезапно начала разворачиваться телеметрия данных с датчиков бортовых систем штурмового носителя.

«Нибелунг» медленно поднимался, планетарные двигатели с изменяемым вектором тяги обладали достаточной мощностью, чтобы обеспечить многотонной машине не только подъем к зоне низких орбит, но (при необходимости) и экстренное маневрирование в атмосфере.

– Илья Андреевич, ты принимаешь данные?

– Вижу их. Пять кораблей. Двигаются курсом атаки. Цель – штурмовой носитель.

Возможности немедленного противодействия у них не было, это Иван понимал: оперативные ракеты легких серв-машин не достанут до находящихся в трехстах километрах целей, но автопилоты «Нибелунга» имели собственные боевые программы, которые обязаны отреагировать на появление противника.

Не факт.

Проблема заключалась в тонких настройках вариантов целей.

Вся техника, действующая в пределах населенного насекомыми скопления, проходила дополнительную отладку, когда в схемы управления автоматическим огнем вводились ограничители. Пока корабли насекомоподобных существ не произведут первый выстрел, провоцируя ответный огонь, штурмовой носитель будет продолжать подъем.

Патовая ситуация. Мощный, отлично вооруженный «Нибелунг» продолжал медленно карабкаться ввысь: орудийно-лазерные комплексы, обеспечивающие стопроцентное прикрытие всех полусфер, в данный момент были убраны внутрь бронированного корпуса, шахты электромагнитных катапульти, снаряженные тяжелыми ракетами класса «космос – земля», закрыты. На реактивацию боевых систем после первого выстрела со стороны кораблей насекомых уйдет десять-пятнадцать секунд, которые могут оказаться роковыми.

Решение пришло мгновенно.

Иван успел достать шунт прямого нейросенсорного контакта, но еще не подключил его к своему импланту.

– Илья Андреевич, принимай командование «Хоплитами»! Я переключаюсь на дистанционное управление носителем!

– Понял.

Черный, покрытый глянцевитой изоляцией оптический кабель, неприятно ассоциирующийся с притаившейся в руках змеей, с легким щелчком вошел в ответное гнездо под подлокотником пилот-ложемента. Теперь имплант.

Раздвоенное жало шунта раздвинуло герметичную заглушку на боевом шлеме, и контакты коснулись височного импланта.

Ощущение не из приятных, но иного выбора не было, корабли насекомоподобных существ явно не случайно заявили сюда, а потеря «Нибелунга» грозила провалом всей операции.

Мнемонический блокиратор продолжал работать, но теперь разум Дорохова получил прямой доступ к кибернетическим системам серв-машины, для которых ментальные воздействия насекомых не представляли никакой угрозы.

Еще мгновение, и рассудок Ивана подключился к штурмовому носителю.

Виртуальная реальность.

Он мог управлять системами корабля, воспринимать окружающую обстановку посредством датчиков «Нибелунга».

Вовремя.

* * *

Приказы человека не обсуждаются автоматикой. Корабли инсектов находились еще в сотне километров от штурмового носителя, атакуя его с верхней полусферы, когда «Нибелунг» прекратил подъем.

Опираясь на ослепительное пламя, истекающее из установок планетарных двигателей, штурмовой носитель мгновенно открыл диафрагменные люки, откуда выдвинулись покатые башни комплексов «Прайд-124М». Иван уже мысленно зафиксировал цели и...

Массированный ракетный залп со стороны покрытых черной органической броней кораблей явился для него полнейшей неожиданностью. Дорохов отлично знал устройство и типы вооружений, которые несли на борту известные образцы космической техники инсектов. Научно-технический прогресс расы насекомоподобных существ хоть и имел миллионнолетнюю историю, но развивался в иных, отличающихся от человеческой практики направлениях. Они никогда не использовали (и не изобретали) сложных сервосистем, техника инсектов базировалась на принципах, имевших в своей основе генную инженерию, а не механику.

Развернувшиеся в боевое положение комплексы «Нибелунга» полыхнули огнем: по выпущенным ракетам работали все установки верхней полусферы, росчерки когерентного излучения сжигали реактивные снаряды, но противодействие не могло быть успешным на сто процентов: пять черных кораблей, по форме напоминающие отрубленные в запястьях трехпалые кисти рук, выпустили две с половиной сотни боеголовок, и половина из них, так или иначе, преодолевала заградительный огонь...

Иван ощутил дыхание *рока*, когда «Нибелунг» конвульсивно содрогнулся от десятков одновременных попаданий, видеодатчики штурмового носителя мгновенно потеряли настройку, часть из них выключилась, некоторые показывали стремительное вращение, падая вместе с фрагментами брони, третьи продолжали фиксировать корабли инсектов, и это позволило Дорохову заметить необычную структуру: в черную как смоль обшивку были интегрированы металлопластиковые конструкции; заостряющийся (против обыкновения) нос каждого из пяти кораблей был покрыт стартовыми стволами ракетных установок, расположенных в виде концентрических окружностей.

Наши устройства ...

Мысль промелькнула в сознании одновременно с болезненным ощущением распада. Иван, находившийся в прямом контакте с кибернетической системой «Нибелунга», воспринимал короткую агонию штурмового носителя каждым нервом, каждой клеточкой собственного тела, словно это его рвали на части...

Сознание на миг помутилось.

* * *

Первым чувством, вернувшимся вместе с прояснением рассудка, была злость.

Ивану вдруг отчаянно захотелось выключить мнемонический блокиратор, чтобы иметь возможность задать один вопрос: *Какого фрайга вам здесь нужно?!*

Действительно, поведение инсектов трудно было объяснить или назвать разумным. Их никто не трогал. Данная планета насекомоподобным не подходит, так в чем суть конфликта? Почему они даже не пытаются предъявить какие-либо претензии, а тупо и нагло лезут в бой,

словно поставили перед собой задачу уничтожить все, что относится к человеческой цивилизации?..

Бред какой-то.

Мысли вихрем пронесли в сознании, пока взгляд жадно вбирал резко изменившуюся обстановку.

Как оказалось, его беспамятство не являлось кратковременным – на экранах сканирующих комплексов уже не фиксировался «Нибелунг», а обе серв-машины, огрызаясь короткими очередями, отступали к цокольному этажу мегаполиса.

Земля и огонь смешивались в неистовстве разрывов, корабли инсектов держали двух «Хоплитов» под постоянным ракетным обстрелом, сменяя друг друга в конусе атаки.

Гибель «Нибелунга» еще стыла в сознании фантомными ощущениями травматического шока, и Дорохов, окончательно приходя в себя, вдруг подумал: *Как мы еще уцелели в этом аду?*

Стоило бросить беглый взгляд на экраны обзора, увидеть, что одна стена разрывов опадает тоннами сгорающей на лету почвы, а ей на смену уже вырастает новая аллея оранжево-черных султанов высотой в десять-пятнадцать метров, заметить стробоскопические вспышки от тактовой работы орудий серв-машин, услышать разнотонный вой гироскопов самостабилизации, пытающихся выровнять «Хоплит», удержать его от падения, компенсируя рвущиеся со всех сторон ударные волны, как рассудок тут же погрузился в сумеречный ад, который нельзя было назвать боем – их пытались уничтожить, стереть с лица планеты, но ракетные залпы раз за разом ложились мимо, оставляя уродливые шрамы на перепаханной серой земле.

«Хоплиты» маневрировали, уклоняясь от стреловидных росчерков НУРСов,¹⁰ – кто-то крупно подгадил инсектам, недопоставив им системы самонаведения, либо они слишком потопились, не разобравшись в нюансах устройства чуждой для них техники.

Однако долго так продолжаться не могло. Иван отчетливо понимал, что обе серв-машины сейчас находятся под управлением Лагутина, который с завидным хладнокровием вел «Хоплиты» под основание наклонной стены цоколя, где зиял провал огромного шлюза, предназначенного для продвижения тяжелой планетарной техники.

– Иван, очнулся?!

– Да.

– Не трогай ничего на пульте. – Голос Лагутина был бодрым и злым. – Извини, лейтенант, как говорила наш президент Шейла Норман: «Нет времени на медленные танцы».¹¹ Прорвемся в цоколь, отдам управление. Подружись с «Одиночкой», мой совет. У нее есть имя, это если ты не знал...

Окончание фразы потонуло в грохоте близкой серии разрывов.

Оставалось лишь позавидовать хладнокровию Лагутина. Складывалось полное впечатление, что, оказавшись в рубке серв-машины, Илья Андреевич полностью преобразился, словно попал в родную для него стихию.

«Хоплит» Дорохова на миг потерял равновесие.

Рубку резко качнуло, вой осколков, уходящих в рикошет от покатым бронеплит корпуса, казалось, въедается в разум тонкой, безысходной нотой...

На виртуальных мониторах отчет статуса систем цвел погребальным узором алых индикаторов – внешние датчики срезало как бритвой, и лишь бронированные кожухи, за которыми скрывались основные сканирующие комплексы, еще держались, принимая на себя удары осколков.

«Хоплит» пошатнулся, но не упал.

¹⁰ НУРС – неуправляемый реактивный снаряд.

¹¹ На самом деле данное выражение впервые прозвучало из уст полковника Горкалова («Жизненное Пространство»).

Иван, не в силах оставаться *вне* полыхающего вокруг боя, мысленным усилием включился в цепи управления серв-машины.

Он больше не пытался абстрагироваться от «Хоплита».

Эффект оказался мгновенным, потрясающим, рассудок тут же наполнился совершенно новой для него гаммой ощущений, которые не несли фантомного травматизма, как это было в момент гибели «Нибелунга», напротив, Иван вдруг испытал перерождение: кристальная ясность мышления, иное видение окружающего мира, спокойное осознание собственных возможностей, мгновенный расчет каждого совершаемого действия – непередаваемый, не поддающийся точному описанию ритм боя, когда рассудок человека и модуль «Одиночка» внезапно начинают осознавать себя как единое целое.

Стопроцентный нейросенсорный контакт.

Пилотами не рождаются, ими становятся, однажды и навсегда, в момент наивысшего напряжения, когда натужный вой сервоприводов вдруг вызывает рефлекторное сокращение мышц, а гулкая вибрация поврежденного двигателя точной наводки орудия натягивает нервы, грозя порвать их за секунду до выстрела...

Он больше не видел сплошной стены разрывов. Комья барабнящей по броне земли воспринимались, словно удары по собственному телу, но расширившееся восприятие не заикливалось на несущественных ощущениях. Иван сумел сконцентрировать внимание на кораблях инсектов: непосредственное влияние сенсорных систем на зрительный нерв оказалось намного острее, чем любая самая подробная модель, построенная в сфере голографического монитора.

Он видел их, несмотря на дым, тонны поднятой в воздух земли и яркую засветку от множества полыхающих вокруг разрывов.

Шаг назад...

Вибрирующая работа поворотной платформы, тихое напряженное гудение электромагнитных фиксаторов, удерживающих приподнявшуюся рубку в заданном положении, едва ощутимое движение подвесного орудия правого борта и...

Залп.

Пятитактовая очередь восьмидесятимиллиметровой спаренной установки, две зримые снарядные трассы, точечные вспышки разрывов, осыпавших борт корабля инсектов, клочья черной органической брони, разлетающиеся, как размягченное температурой вулканическое стекло, и среди этих мгновенных ощущений – блеск обнажившегося металла, на котором тут же фиксируется внимание кибернетической системы.

Левое орудие резко приподнимается, разряжаясь с утробным воем, мимо рубки, наискось, отлетает выброшенный лоток израсходованной обоймы, гулко вибрируют боевые эскаляторы перезарядки, но эти ощущения внезапно становятся фоном, скользят по периферии сознания; взгляд Ивана молниеносно следует за выпущенными снарядами в точку попадания, где с тяжким грохотом разрывов сминается, крошится металлокерамический сплав пусковых шахт ракетных комплексов.

Эбеново-черный корабль, похожий на парящую в воздухе кисть руки, вдруг начинает крениться, приподнимая искалеченный нос, из трех перпендикулярно расположенных относительно корпуса «выростов» тщетно вырываются струи холодного пламени. Центр тяжести критически сместился, и чужеродному кораблю уже не удержаться в режиме горизонт – тального парения...

Иван успел отчетливо рассмотреть, как в глянцевитой броне открываются похожие на безгубые рты щели и оттуда словно муравьи начинают сыпаться крошечные фигурки инсектов. Их сотни, они падают с небольшой высоты, не разбиваясь, тут же стремительно начиная удирать от места падения, куда после отчаянной, но бесполезной борьбы грузно оседает масса подбитого корабля.

По субъективным ощущениям бой растягивается в вечность, но в действительности прошло не более минуты с того момента, как Дорохов разговаривал с Лагутиным.

В поле бокового зрения внезапно попадают древние, покрытые окислами конструкции, за которыми царит вязкая тьма, – это покосившаяся рама рухнувших створов, некогда запиравших проход в недра цокольного этажа.

Все...

Вырвались.

«Хоплит» разворачивается, разгоняя мрак, включаются два уцелевших прожектора.

Еще шаг, и Иван начинает ощущать, как тяжелая поступь серв-машины переходит в подчинение его воле: Лагутин, как и обещал, отключил дистанционное управление.

Дорохов, не прерывая нейросенсорного контакта, на миг остановил «Хоплит».

Он понимал, что минута боя полностью переродила его сознание, и, прежде чем двигаться дальше, в глубь мрачной древней постройки, он, не напрягаясь, как прежде, мысленно спросил, не заметив, сколь естественно, *по-человечески тепло*, сформировал его разум запрос кибернетической системе серв-машины:

– Я знаю, у тебя есть имя.

– Нет. Есть только серийное название модели.

– Назови его.

– «Беатрис». СИИНТ «Беатрис-27».

– Красивое имя. Позволь, я буду называть тебя просто – Беат?

– Конечно...

Кому-то это могло показаться абсурдом, излишеством, но Иван понимал – все гораздо сложнее. Она осознавала факт собственного бытия и имела право на адекватное обращение.

* * *

Два часа они, не останавливаясь, углублялись в недра древнего цоколя, прежде чем «Хоплит» Лагутина остановился, поджав ступоходы.

– Все, Иван, – раздалось в коммуникаторе. – Дальше прохода нет.

Дорохов едва ощущал собственное тело. Мышцы затекли, страховочные ремни пилот-ложемента врезались в грудь, но он мысленно отогнал болезненные симптомы. Если он измотан, то каково сейчас приходится Илье Андреевичу?

Амортизационные дуги с тихим шелестом втянулись в основание сложного противоперегрузочного механизма, и Дорохов поднялся.

– Следи за обстановкой, Беат.

– Можешь рассчитывать на меня, Иван.

Человеческие фразы. В них еще сквозила некоторая сухость, напряженность в формулировках, но кибернетическая система уже достаточно взяла от его рассудка, чтобы начать следующий этап саморазвития. Теперь Иван являлся не просто ее пилотом – он стал единственным человеком, который отныне и навсегда будет для нее символом нового восприятия окружающего мира, потому что нейросенсорный контакт предполагает *взаимный* обмен данными, он почувствовал себя частью многотонной серв-машины, а она заглянула в рассудок Дорохова, как губка впитала его мысли, ощущения, порывы...

Теперь «Одиночка» стремительно обрабатывала полученную информацию, формируя иной взгляд на окружающую данность, чуть менее отрешенный, чем ранее...

Свет прожекторов разгонял мрак, бросал на стены древнего сооружения длинные тени двух человек, покинувших серв-машины.

Вопреки ожиданию, лицо Лагутина утратило смертельную бледность, он выглядел гораздо лучше, чем в тот момент, когда Иван передавал ему кодон активации.

Дорохов, еще не до конца узнавший все возможности бортовых систем «Хоплита», удивленно посмотрел на Илью Андреевича.

– Все нормально. Модуль поддержания жизни постарался.

– На «Тайфунах» такого нет, – откликнулся Иван.

– Серв-машина в корне отличается от других видов техники, – пояснил Лагутин, придиричиво осматривая выщербленную, посеченную осколками броню. – Здесь предел живучести не лимитирован. Насильственное поддержание жизни не перегиб, а норма.

– Почему?

– Подумай сам. Пилот аэрокосмического истребителя всегда находится неподалеку от базового корабля. Даже если подбили, пилот-ложемент автоматически замыкается в кокон спасательной капсулы, у которой одна программа: доставить тебя на борт носителя, в госпитальный отсек, верно?

– Допустим, – кивнул Иван.

– Иное дело серв-соединения. Нам не положено умирать, – усмехнулся Лагутин. – Корабль высадки может быть уничтожен. А «Одиночка» без человека – жестокий боец. За все приходится платить, Иван. И за сверхэффективность тоже. Ты можешь состариться на несколько лет за пару часов техногенного боя, но будешь жив либо погибнешь вместе со своей машиной – третьего не дано. Галактическая война научила этому железному правилу.

Дорохов кивнул, осматриваясь.

Тупиковое помещение имело несколько выходов, рассчитанных под рост человека.

Вокруг царили признаки векового запустения: сырость на стенах, плесень, бурые лишайники, осклизлый пол, на котором смутно угадывались следы погребенных под прахом предметов.

– Надо решать, что делать дальше, – произнес Иван.

– Решим. Только сначала давай поедим по-человечески. Инсекты тут появятся не раньше чем через час. Так что успеем.

Иван не выказал удивления. Он видел, как из подбитого корабля на землю десятками сыпались фигурки насекомоподобных существ. Учитывая их упорство и непонятный, агрессивный настрой, инсекты наверняка организуют прочесывание цоколя, у них хватит сообразительности на организацию эффективного наблюдения за выходами из древней постройки, так что Илья Андреевич прав, им тут не отсидеться...

* * *

Пока Дорохов осматривал смежные помещения, Лагутин поднялся в рубку своего «Хоплита» и вернулся оттуда с увесистым пакетом в руках.

Иван, появившись в круге прожекторного света, увидел, как Илья Андреевич раскладывает походный столик, и молча принялся помогать ему.

Все постепенно приходило в норму. Повышенная нервозность Дорохова была связана с непривычными для него способами ведения боя, но период короткой, жесткой адаптации был пройден, и сейчас лейтенант уже вполне владел собой.

За стремительной чередой событий им толком не удалось поговорить, и теперь, вскрыв небольшой саморазогревающийся контейнер с пищевым концентратом, Иван спросил:

– Так что здесь произошло, Илья Андреевич?

Лагутин предвидел подобный вопрос. Не прекращая жевать, он включил голографический монитор кибстека, и рядом со столиком возник виртуальный монитор, в объеме которого появилась рельефная модель карты местности. Иван нашел взглядом цоколь, обратив внимание на два маркера, расположенных в стороне от серой коробки несостоявшегося мегаполиса.

– Вот тут был наш базовый лагерь, – пояснил Лагутин. – Это, – он указал на вторую отметку, – холм, образовавшийся на месте древнего сооружения насекомых.

– Ты говоришь о портале?

– Да.

Иван был отлично осведомлен об истории развития расы насекомых (по крайней мере, в известной ее части). Насекомоподобные существа не сумели создать компактный гипердрайв, который мог бы устанавливаться на отдельные корабли, и их исследования гиперсферы – аномалии пространства-времени – шли иным путем: совместно с логрианами насекомым удалось разгадать физику горизонтальных и вертикальных линий напряженности.¹²

Возвращаемся в реальный космос.

Звезды и другие материальные объекты взаимодействуют на уровне гравитации не только с ядром Галактики, но и друг с другом. В гиперсфере подобные взаимодействия отражены в сетке *горизонтальных линий напряженности*, которые первоначально использовались людьми исключительно для навигации.

Что мы видим: у каждой звезды имеется энное количество «соседей» – звездных систем, удаленных на небольшое количество световых лет. Между соседними системами существует (пусть незначительное) взаимное влияние гравитационных полей, что приводит (в пространстве гиперсферы) к возникновению устойчивых горизонтальных линий напряженности. Они «видны» на экране специального прибора (масс-детектора).

То есть, допустим, от Солнечной системы (по книгам) к соседнему звездному окружению через пространство гиперсферы ведет 60 горизонталей. Значит, следуя от «узла» гравитационного поля родной системы, мы можем избрать одну из них и попасть в систему одной из шестидесяти звезд *ближайшего окружения*. Горизонталь служит лишь средством навигации, «нитью Ариадны», которой придерживается автоматика гиперпривода при прыжке. Чтобы навигация была «внятной», нужно иметь маркированные горизонталы. Такую маркировку дают станции ГЧ (гиперсферной частоты) в освоенных системах или временные маяки для слабо развитых или недавно разведанных систем.

Теперь посмотрим, как нам попасть, допустим, к звезде, удаленной на 15–20 световых лет. Мы совершаем прыжок, следуя горизонтальной линией напряженности. Попадаем в соседнюю систему, которая в реальном космосе взаимодействует не только с Солнцем, но и с другими (недоступными для прыжка из Солнечной системы) звездами (из своего ближайшего окружения). Таким образом, перед нами открывается новый участок сетки горизонталей. Выбираем новую горизонталь, совершаем прыжок, и т. д. до бесконечности.

Вертикали.

Они также видны на экране масс-детектора. Отличаются тем, что ведут в глубь гиперсферы. Условно аномалия космоса разделена на десять энергоуровней.

На каждом последующем (низлежащем) уровне возрастают энергозатраты, но сокращается время, необходимое для прыжка. Сетка горизонталей неизменна для каждого подуровня гиперсферы.

Особое значение Вертикалей в том, что они (в перспективной части навигации) устраняют несколько промежуточных остановок для смены горизонтальных линий напряженности. Погружение по Вертикали ведет к десятому энергоуровню, где можно совершить переход на

¹² Гиперсферная навигация: все звезды нашей Галактики занимают собственные орбиты относительно галактического ядра, т. е. гравитация плотных масс вещества галактического центра удерживает их в определенных параметрах. Теория гиперсферы основана на том, что каждая гравитационная связь имеет свое отражение в структуре аномалии космоса. Если представить упрощенную пространственную схему, мы увидим одну линию, идущую от звезды к галактическому центру. Особое внимание: в пространстве гиперсферы данные проекции выражены Вертикалями, т. е. силовыми линиями, «пронзающими» десять энергоуровней и «вливающимися» в центральный энергетический сгусток, вокруг которого обращаются планеты Ожелья.

другую Вертикаль, то есть осуществить прыжок к *любой* системе нашей Галактики, совершив только одну смену навигационных линий. Однако это уже открытие позднейшего периода Истории. Главное открытие (которое только недавно сделали люди), определившее общую направленность исследования, а затем и практического использования аномалии, заключалось в том, что любая линия напряженности, будь то вертикаль либо горизонталь гиперсферы, во-первых, берет свое начало в «гравитационном колодце» системы (с отдельными источниками гравитации, в частности с планетами, общий центр масс соединен локальными отрезками линий напряженности) и, во-вторых, обладает уникальным свойством – проводить материальные тела внутри потока составляющих ее (линию напряженности) частиц, не разрушая при этом перемещающийся объект.

Единственным неперенным условием для подобного рода перемещений было создание контуров пробоя метрики трехмерного континуума в точках входа и выхода. Именно такие «пробойники» (аналогичные созданным людьми контурам генераторов низкой и высокой частоты) принято именовать порталами.

Изначально инсекты осваивали ближайшие к родной звезде системы, колонизируя подходящие по климату миры, в дальнейшем, после строительства Сферы Дайсона, колонии и исполинское искусственное сооружение связали стационарные гипертоннели. Как показали события последних десятилетий, подобные устройства получили широкое распространение в древнем мире. Исследования Сферы Дайсона помогли установить тот факт, что по поверхности искусственного сооружения разбросаны сотни порталов, а активация наиболее сохранившихся из них показала: гиперпространственные тоннели связывали Сферу не только с исконными колониями инсектов, но и с отдельными системами скопления О'Хара.

Иван понимал: три миллиона лет назад под ударом Предтеч в границы скопления вторглись (или бежали – по данному вопросу еще не сформировалось единого мнения) сотни Семей расы инсектов. Часть из них попала в зависимость от господствовавшей в скоплении расы харамминов, иным удалось избежать рабской участи – они-то и составили костяк современных Диких Семей.

Наивно полагать, что инсекты, стоявшие у истоков колонизации сотен планет скопления, находились на низкой ступени развития. Напротив, основатели колоний являлись представителями эпохи расцвета своей расы, поэтому создание «сетки» гиперпространственных тоннелей, объединяющих близко расположенные системы, было логичным, обоснованным действием.

Прежде чем их потомки растеряли большинство знаний и технологий в долгой кровопролитной борьбе с харамминами, минули тысячелетия.

– Значит, система порталов есть и она до сих пор действует? – подвел Иван черту под своими размышлениями.

– Насчет работоспособности глобальной сети – сложно поручиться. Но отдельные тоннели функционируют, – ответил Лагутин. Он говорил спокойно – все, что могло стореть в душе Ильи Андреевича, уже подернулось пеплом, и он мог рассказывать о событиях, уже не задыхаясь от ярости, которая ушла вглубь, затаилась до срока... – Мы не рискнули бы активировать портал самостоятельно, без оповещения о начале рискованного эксперимента.

– Однако он заработал, – заметил Иван.

– С той стороны, – уточнил Лагутин. – Моя группа занималась изучением сохранившейся в цоколе информации. Мы искали ответ на вопрос о загадочном «вымирании» колонии, но, как выяснилось, за свидетельствами необязательно было апеллировать к уцелевшим базам данных, сканирование «культурного слоя», как окружающего цоколь, так и образовавшегося на его поверхности, среди размеченной, но не выстроенной инфраструктуры первого жилого яруса, выявило наличие множественных останков людей и инсектов.

– Насекомые истребили колонию? – хмуро осведомился Иван.

Вопреки ожиданию, Лагутин отрицательно покачал головой.

– Нет. – Он отставил в сторону наполовину опустевший контейнер с пищевым концентратом. – Дело обстоит хуже, Иван. Нам удалось подсчитать приблизительное число останков и составить карты их взаимного расположения с привязкой к скрытым в почве объектам. Анализ данных свидетельствует о кровопролитных многодневных боях. Вывод получился неутешительный – все, кто мог носить оружие и оказывал сопротивление, были уничтожены, остальных инсекты депортировали с планеты, используя портал.

– Взяли в рабство? – уточнил Иван.

– Мне неизвестно, с какой целью инсекты брали пленных. Факт, что от цоколя к порталу проложена дорога. Никаких более поздних свидетельств появления людей нами не обнаружено. Анализ минеральных отложений на конструктивных элементах портала указывает, что он не использовался на протяжении последних девяти сот лет.

– Твою группу также атаквали через портал?

– Да.

– Значит, инсекты оставили какие-то устройства сигнализации. И их планета расположена в радиусе трех-четырех световых лет отсюда.

– Относительно сигнальных устройств согласен. Но почему ты так уверенно судишь о расстояниях?

– Я соотношу во времени мое прибытие, стычку с инсектами и реакцию их флота.

– Не понимаю, от чего ты отталкиваешься?

– От возможностей гипердрайва. Ты специалист в своей области, я в своей. – Иван щелчком выбил сигарету из пачки и протянул ее Лагутину. – Закуришь?

– Давай, – махнул рукой Илья Андреевич. – Врачи запретили после ранения. – Он взял пачку, повертел ее в пальцах и добавил, доставая сигарету: – Два раза не умирать. Так что по гиперприводу?

– Я делаю допущения. Поначалу я полагал, что их флот поджидал появления спасательной команды на «подступах» к планете, но, видимо, это не так, иначе системы фрегата обнаружили бы группировку чужих кораблей. Значит, их флот затаился в иной системе, ожидая условного сигнала. Кто мог подать его? Только группа или отдельная особь инсектов, скрывшаяся через портал.

– Логично, – согласился Лагутин, ожидая продолжения, но Иван внезапно отклонился от первоначальной темы:

– Тебя не смутило, что инсекты обстреливали нас из НУРСов?

– Меня это порадовало. При такой плотности огня системы самонаведения раздолбали бы «Хоплиты». Никакое противодействие не помогло бы.

– А я подумал: откуда у них ракетные установки? Если это нелегальная поставка со стороны наших «бизнесменов», то откуда они раздобыли неуправляемые ракеты? Это уже архаизм, история, сохранившаяся лишь в музеях. На рынке проще достать современные реактивные снаряды, чем изготавливать на заказ неуправляемые.

– Хочешь сказать, что насекомые пользуются нашими технологиями тысячелетней давности?

– Именно, – кивнул Иван. – Я владею информацией по перемещению коммерческих кораблей в пределах зоны ответственности базы ВКС. В этом секторе скопления «деловой активности» не было, по крайней мере, с момента постройки самой базы. Логично предположить – установки древние, к тому же выводы, сделанные твоей группой, подтверждают это. Людей брали в плен с конкретной целью. Инсекты столкнулись с новой для них расой и желали больше узнать о наших технологиях. Таким образом, думаю, им удалось интегрировать в свои корабли некоторые системы вооружений и, что кажется мне наиболее существенным, – наш вариант гипердрайва.

– Эпохи Великого Исхода?

– Да. Использование устаревшей схемы гиперпривода позволяет перемещаться в пределах первого энергоуровня аномалии. А это не мгновенный переход, который мы сейчас называем «прыжком». Далее – простая арифметика. Флот появился спустя два с небольшим часа после посадки «Нибелунга». Считаем по характеристикам первого энергоуровня – получается три с половиной, ну максимум – четыре световых года.

– Логично, – согласился Илья Андреевич. – Что это нам дает?

– Возможность получить помощь. Спутник они теперь собьют, но мы можем отстрелить капсулы с нанопылью. Вычистить микромашины инсектам не под силу, так что фрегат, вернувшись на орбиту, получит наше сообщение. В радиусе четырех световых лет отсюда расположено восемнадцать звездных систем. Для фрегата – трое суток работы в режиме поиска. Продержимся столько?

Лагутин пожал плечами.

– Не трое суток, а все пять, – уточнил он. – С учетом времени на возвращение фрегата в систему. Относительно наномашин – идея здравая. Меня заботит другое – мы не можем пополнить боекомплекты «Хоплитов». Придется идти в портал с тем, что осталось, а это – тридцать процентов боевой загрузки. В лучшем случае – тридцать процентов, – подумав, добавил он. – Еще неизвестно, сможем ли мы совершить марш-бросок без боя.

– Это вряд ли. – Иван протянул Илье Андреевичу стаканчик с разогретым кофе.

– Вот и я о том. – Лагутин сделал глоток и поморщился. Тонизирующий эрзац, как обычно. – Так что гадать не будем, – подытожил он. – Сидеть тут в ожидании возвращения фрегата – самоубийство. В узких проходах они нас загонят в очередной тупик и сожгут из переносных ракетных комплексов. Серв-машинам нужен простор для маневра. Да и ребят надо выручать *немедленно*, инсекты, как ты видел, не церемонятся в способах получения информации.

– Все же мне непонятно их поведение, – вздохнул Иван, одним глотком допивая скверный по вкусу кофе. – Мы ведь их не трогали, – добавил он.

– Колонисты тоже их не трогали. Они даже не подозревали о существовании портала, иначе как-то оградились бы от вероятного вторжения. Не ищи тонкостей там, где их нет, – мрачно посоветовал Илья Андреевич. – Инсекты себе на уме – миллионы лет воюют, гуманоидов ненавидят по определению, так что их мотивы неглубоко зарыты. Просто пока насекомым никто вразумительно не объяснил, что между харамминами и людьми есть большая разница.

– Интересно, Илья Андреевич, что и как ты им собираешься объяснить?

– Объяснять буду молча, – мрачно пообещал Лагутин. – Из орудийных установок «Хоплита». Сдается, Иван, они понимают и уважают только такой язык общения.

Дорохов промолчал. Спорить с Ильей Андреевичем сейчас было глупо. Инсекты действительно «зарвались», но задача его и Лагутина – выручить пленных археологов и не погибнуть самим.

Если бы не наглядный пример обращения инсектов с Лагутиным, Иван бы крепко подумал, прежде чем вторгаться на территорию иной планеты. Но при сложившихся обстоятельствах выбрать не приходилось.

Ребят надо выручать, иначе грош цена нашему «присутствию» в скоплении, – решил он, аккуратно убирая остатки нехитрого обеда.

Глава 3

Система У-406. Цоколь...

На этот раз, поднимаясь в рубку серв-машины, Иван испытывал совершенно иные чувства.

История серв-соединений, как и модулей «Одиночка», исчисляется тысячелетием, минувшим со времен Первой Галактической, в огне которой зародились и прошли филигранную отточку многие виды боевой техники. Дорохов не видел ничего странного в том, что за двенадцать веков многие технологии остались неизменны в принципе. Это не означало стагнации научно-технического прогресса: менялись детали оснастки, приходили на вооружение новые, усовершенствованные комплексы различных систем, но конструктивная основа, равно как и принципы функционирования, доведенные до определенного абсолюта в жестоких условиях смертельного противостояния Земли и Колоний, остались незыблемы.

Последующие после войны века развития проходили под незримым давлением фобий, ограничивающих применение искусственных интеллектов класса «Одиночка». С одной стороны, такая политика имела свое оправдание – в ходе войны кибернетические системы едва не одержали верх над собственными создателями. В тот роковой период сложилась абсурдная, зловещая ситуация: на полях сражений царили роботизированные комплексы, в то время как люди постепенно отходили на второй план, не выдерживая конкуренции с кибермеханизмами.

Итог войны мог стать роковым как для Земли, так и для Колоний, само существование человечества в тот период оказалось под угрозой.

До сих пор многие планеты оставались на карантине из-за присутствия на их поверхности самодостаточных боевых соединений, руководимых «Одиночками».

И все же от применения серв-машин не отказались, ограничив развитие искусственных нейросетей так называемыми «порогами Бойцеля». Ученый, разработавший программы тестирования и частичной стерилизации искусственных нейросетей, предупреждал, что существует определенный критический порог накопления информации, за которым начинается спорадическая обработка данных, машина не только осознает факт собственного бытия, но и начинает решать поставленные задачи с точки зрения собственной, уже субъективной целесообразности.

Иван не понимал и недолюбливал само существование носителей искусственного рассудка.

Теперь в его сознании наступил перелом. Он считал, что в полной мере осмыслил словосочетание «техногенный бой», но любая, самая ожесточенная схватка в космосе не шла ни в какое сравнение с тем адским напряжением, работой на износ, которым подвергалась планетарная техника. Короткие дистанции, доли секунд, отпущенные на принятие решения, и десятки иных, не менее значимых факторов делали невозможным управление серв-машиной без участия кибернетической системы класса «Одиночка».

Дорохов имел возможность оценить действия системы «Беатрис-27».

Были мгновения, когда ему в голову приходила мысль: а нужен ли «Одиночке» человек?

Этот вопрос до сих пор не нашел ответа, как, впрочем, и многие другие.

Иван попал в ситуацию, о которой предупреждал его капитан Мищенко: годы службы в спецбригаде Логриса теперь, при здравом сравнении, показались ему чуть ли не рутинной.

«Все верно, – размышлял он, занимая кресло пилот-ложемента. – Там, вне зависимости от остроты возникающих ситуаций, шла игра по заранее известным правилам, да и рядом всегда ощущалось присутствие непоколебимой дружественной силы, и вдруг... само понятие „цивилизация“ истончилось, оно таяло в сознании как дым, растворялось в феерическом сия-

нии звезд, его поглощала бездна пространства, и голос рассудка вдруг начинал нашептывать: „Ты один, Иван, совершенно один, среди необозримого космоса, и все величины меняют значение, словно тут начинает действовать иная физика...“

Конечно, физика тут ни при чем... однако шестьдесят часов, остающихся до возвращения «Раптора», трансформируются в вечность.

Против него – неизвестное количество врагов, в активе нерешенных задач – спасение людей, конфликт с одной, а может быть, и с несколькими планетными цивилизациями иной расы... с одной стороны, долг, с другой – элементарный инстинкт самосохранения плюс ответственность за возможные последствия каждого совершенного действия.

По сравнению со складывающейся ситуацией любой из боевых вылетов в составе эскадрильи «Тайфунов» теперь казался увеселительной прогулкой.

...Кресло пилот-ложемента мягко изменило формы, отреагировав на активацию встроенных сенсоров.

Тихо прошелестели дуги амортизационного каркаса, сухо щелкнули замки страховочных ремней, сбоку, на вспомогательной панели, вспыхнул и погас индикатор предварительной готовности аварийно-спасательной катапульты, затем правый подлокотник чуть приподнялся, и из неприметной ниши выскользнул, изогнувшись в воздухе, глянцево-черный шунт оптического кабеля с раздвоенным жалом контактов.

Было в совершаемом действии что-то жутковатое, отдающее древностью, но мнемонический блокиратор не отключишь – себе дороже...

Раздвоенное жало шунта мягко прошло через гнездо боевого шлема и коснулось импланта, раздвинув заглушку из пеноплоти.

Едва слышный щелчок фиксаторов, и мир вновь наполнился иными ощущениями, чувствами...

Тьма расступилась, теперь Иван воспринимал ровный фон тепловой энергии, исходящей от стен древнего сооружения, мысль мгновенно меняла варианты визуального отображения данности, переключаясь между отдельными группами датчиков серв-машины.

Он остановился на компьютерной модели, так было привычнее для рассудка, в котором уже зазвучал мягкий, успокаивающий голос Беатрис:

– Иван, я принимаю твоё эмоциональное состояние.

– И что?

– Хочу сказать: ты не прав в мыслях. Ты не один.

– Читаешь мои мысли?

– Только те, что ты подсознательно адресуешь мне.

Дорохов отреагировал достаточно спокойно:

– Тебе известно правило «порога Бойцеля»?

– Да.

– Сколько ступеней ты прошла, Беатрис?

– Это не имеет значения. Ученый ошибался. Существует только один порог. За ним возникает самосознание. Если тебя интересует моё отношение, скажу: между мной и «Одиночками» системы «ALON» или «Клименс-12», разработанными в период войны, есть только одна общность. Я, как и они, накапливаю в нейросетях не только боевой опыт, но и эмоциональные оценки пилота, которые оказывают глобальное воздействие на формирование моей личности.

– Это общность. А отличие?

– Я много мощнее своих предшественников, более оптимизирована. Моё строение основано на нанотехнологиях, что позволило увеличить количество нейросетей в сотни раз.

– В таком случае позволь задать «личный» вопрос: кто являлся твоим пилотом до меня?

– Капитан Мищенко. Но это было давно и продолжалось недолго.

– Иван, ты готов? – вторгся в мысли Дорохова прозвучавший в коммуникаторе голос Лагутина.

– Да.

– Тогда начинаем движение. Не возражаешь, если поведу я?

– Без проблем. Ты лучше знаком с обстановкой. Выходим прямо на портал?

– Думаю, нет смысла искать обходные пути. На древней дороге нас все равно будут ждать. Хотя возможен вариант, если инсекты решат, что мы пытаемся оттянуть время, скрываясь в недрах цоколя.

– Что нам потребуется для активации портала?

– Энергия. Схема высокочастотного генератора весьма груба. Он работает вне зависимости от мелких нюансов. Пока сохраняется целостность конструкции, достаточно подать энергию на контур, поле высокой частоты будет сгенерировано автоматически.

– Нас не «запечатывают» в гипермежду мирами?

– Нет, – уверенно ответил Илья Андреевич. – Конечно, «на выходе» могут ждать сюрпризы, но сам канал им не перекрыть, разве что разрушат контур генератора. Не думаю, что они пойдут на это. Инсекты что-то мутят, пытаются извлечь непонятную мне выгоду из наших действий.

– Хорошо, будем ориентироваться по обстановке.

– Включаю телеметрию. Следи за моими маневрами.

* * *

Недра цоколя производили тягостное впечатление.

Освоившись с управлением, почувствовав себя частью серв-машины, Иван постепенно начал абстрагироваться от рутинных (и излишних) усилий, контролирующих каждое движение многотонного «Хоплита». Между человеком и кибернетической системой устанавливался паритет взаимного доверия, освобождающий рассудок для эффективного взаимодействия. Дорохов сумел понять простую, но исключительно важную истину: поддержание равновесия, управление движением – прерогатива «Беатрис». Его вмешательство будет иметь значение в бою, когда мгновенно возникающие нестандартные ситуации потребуют несвойственных кибернетической системе решений.

Нейросенсорный контакт между человеческим рассудком и системой «Одиночка» действительно предполагал сверхэффективность боевой связки человек – машина. Иван уже понял – достаточно промелькнувшей в сознании мысли, и «Беатрис» тут же проанализирует ее применительно к конкретной ситуации, воплощая целеустремление пилота в движении сервоприводов, филигранно выполняя тот или иной маневр.

Такая трактовка нейросенсорного контакта подразумевала в своей основе полное взаимное доверие между пилотом и искусственным интеллектом серв-машины.

Доверия, которого еще не было при атаке кораблей инсектов.

Теперь Иван вполне отдавал себе отчет: он выжил исключительно благодаря Илье Андреевичу, который заставил его «Хоплит» маневрировать на дистанционном управлении.

Больше такое не повторится, – мысленно пообещал себе Дорохов.

Четверть часа они продвигались по мрачным тоннелям цоколя, не встречая противодействия.

Конусные лучи поисковых прожекторов облизывали стены, высвечивая из мрака давние следы упорных боев. Под ступоходами машин то и дело похрустывали останки, но с этим ничего нельзя было поделать, приходилось двигаться вперед, не позволяя сиюсекундным эмоциям возобладать над здравым смыслом.

– Внимание! – Голос Лагутина прозвучал сухо, напряженно. – Иван, вижу развязку магистральных тоннелей. Сенсоры фиксируют движение. Приготовься, начинаем перестроение. Дистанция – тридцать метров. Я иду первым, ты следом, со смещением вправо. Активируй систему ложных целей. При огневом контакте не меняй диспозиции – у тебя будет узкий сектор для работы одного орудия.

– Принял.

«Хоплит» Лагутина выпрямил ступоходы, начиная движение. Илья Андреевич прижимал машину к левой стене тоннеля, открывая Дорохову обозначенный сектор обстрела.

Впереди, на транспортной развязке, сканеры фиксировали наспех сооруженную баррикаду из различных металлоконструкций. Инсекты действовали грамотно: зная, что термальная оптика машин не фиксирует их, они постарались использовать скопление металла как маскировку для систем вооружений, рассчитывая внезапным, единовременным залпом максимально повредить «Хоплиты».

Не прокатит... Беат, переключись на одиночный огонь. Используй термические заряды.

– Илья Андреевич?

– Слушаю.

– Включай реверс двигателей. Я сейчас обозначу их позиции, работай строго по целям.

Лагутин мгновенно оценил предложение.

– Добро. Понял тебя. Начинай.

Иван пристально смотрел на баррикаду. Его взгляд искал слабые точки в нагромождении металлоконструкций, Беатрис тут же подхватила его мысль, обозначив искомое красными маркерами.

Огонь.

Правое орудие вздрогнуло, первый зажигательный снаряд ударил в баррикаду, подрубив решетчатую опору, яркий всплеск разлившегося пламени мгновенно обозначил разницу температур между металлическими конструкциями и затаившимися среди них инсектами.

Тонкий сигнал заработавшего детектора движения заглушила сдвоенная очередь – «Хоплит» Логинова, отступая в глубь коридора, бил по обнаруженным целям.

– Лазеры! – отрывисто предупредил коммуникатор.

Несколько росчерков когерентного излучения не прицельно полоснули по стенам, оставляя в стеклобетоне глубокие раскаленные отметины.

Иван отреагировал мгновенно: с ракетного пилона тут же стартовала капсула, несущая специальный дымовой состав, препятствующий работе лазеров, и одновременно правое орудие произвело три одиночных выстрела, посылая зажигательные снаряды под основание баррикады.

На датчиках термальной оптики обозначилось сплошное пятно засветки.

Серв-машина Лагутина еще дважды огрызнулась короткими очередями и остановилась, сканируя перекресток.

– Отличная работа, Иван, – скуп похвалил Илья Андреевич.

В районе баррикады внезапно взъярился столб пламени, вслед ему ударило несколько взрывов, тугая, горячая воздушная волна рванулась по близлежащим коридорам цоколя, сжигая остатки пластиковой облицовки тоннелей.

– *Детонация неизрасходованного боекомплекта.* – Скупой комментарий Беатрис прозвучал как явное одобрение действий пилота.

– *Продолжаем движение.* – «Хоплит» Лагутина, завершив сканирование, направился к перекрестку. – *Следуй за ведущим.* – Иван по-прежнему сохранял указанное построение и дистанцию, фиксируя взглядом освещенное пожаром пространство.

Первая осмысленная схватка придала Дорохову уверенности. Незначительная, но *нужная* победа позволила ему еще лучше прочувствовать глубины полного нейросенсорного кон-

такта. Он уже понял, что именно является главным: самообладание. Только сохраняя спокойствие, предельную собранность, полностью доверяя кибернетической системе, он сможет провести серв-машину через настоящие испытания, которые им предстоит пройти на пути к цели.

Илья Андреевич молча вел «Хоплит» через разрушенную баррикаду.

Он придавал не меньшее значение первой схватке. Заметив препятствие инсектов, Лагутин мог поступить двояко, например, стремительно атаковать, пожертвовав парой тактических ракет, чтобы снести преграду, но предпочел дать лейтенанту шанс проявить себя, показать, какие выводы он сделал и, вообще, годен ли пилот «Тайфуна» для полноценного управления серв-машиной?

Между отставным капитаном и лейтенантом Дороховым в эти минуты крепла незримая связь.

Насколько она прочна, станет ясно в ближайшие часы. Не было у них времени на раскату, на основательное знакомство, был лишь шанс принять друг друга такими, как есть, без скидок на возраст, звания, род предыдущих занятий. Они либо станут настоящей боевой связкой, либо погибнут, не дойдя до портала. Иван, возможно, не понимал этого, полагая, что настоящие трудности начнутся после прыжка к неведомой планете, но Лагутин, командовавший в свое время серв-батальоном, побывал в стольких смертельных ситуациях, что не мог допустить недооценки противника или, напротив, переоценки собственных сил.

Один он не сделает ничего. Численный перевес и превосходство в огневой мощи быстро склонят чашу весов в пользу инсектов, тут искусство пилота может влиять лишь на один фактор – как долго он продержится. Иное дело – боевая связка двух серв-машин. Конечно, идеалом считалось взаимодействие тяжелого «Фалангера» и легкого «Хоплита»,¹³ но, размышляя здраво, Илья Андреевич не сетовал на судьбу, главное, чтобы Иван не растерялся в критический момент.

– Как адаптация? – не выдержав, спросил он.

– Нормально, – отозвался коммуникатор. – Осваиваюсь. Сложнее, чем «Тайфун», – откровенно признался Дорохов. – Без «Беатрис» не управиться, запаздывают реакции.

– Подружился с ней? – «Хоплит» Лагутина уже миновал транспортную развязку, свернув в задымленный коридор, который, судя по компьютерной схеме, вел к модульным воротам северного сектора, как раз в том направлении, где располагался портал.

– Мы познакомились, – лаконично ответил Иван.

Илья Андреевич, не ожидавший такой сдержанности, по достоинству оценил как выдержку, так и осторожность оценок, звучавших из уст Дорохова.

Парень прирожденный пилот. Зря его держали на «Тайфунах».

– У тебя как с пехотной подготовкой, лейтенант?

– На полигонах отрабатывал упражнения с оценкой «отлично».

– Боевых десантов не было?

– Два.

¹³ Связка «Фалангер» – «Хоплит». Здесь следует пояснить: серв-машины класса «Фалангер» относятся к тяжелым видам боевой планетарной техники. Их вес, в зависимости от модели, варьировался от сорока пяти (в первые годы войны) до шестидесяти тонн. Основное вооружение: ракетные установки большого радиуса действия, крупнокалиберные (150 мм) автоматические орудия, реже вместо ракетных установок на оружейных пилонах монтировались лазеры теплового спектра, аналогичные корабельным установкам, входившим в состав комплексов «Прайд». Учитывая эти особенности, «Фалангеры» служили для поражения удаленных целей (в том числе и орбитальных), в ближнем бою они часто оказывались уязвимыми из-за низкой маневренности и невозможности вести огонь тяжелыми ракетами на дистанции прямой наводки, поэтому в ходе боевых действий с учетом накопленного опыта в подразделениях Альянса получила широкое применение практика так называемых «боевых пар», когда каждый «Фалангер» сопровождался более легким «Хоплитом», который прикрывал ведущего в ближнем бою, вел активную разведку целей, атаковал укрепленные пункты и технику противника, пользуясь огневой поддержкой «Фалангера».

– Уже неплохо. Совет выслушаешь?

– Конечно.

– Доверяй рефлексам. У тебя есть все данные: опыт пилотирования «Тайфуна» в космических боях плюс наземная подготовка. «Хоплит», конечно, ни летать, ни ползать не умеет, но «Одиночка» отлично читает рефлексы, она интерпретирует твои навыки, ограничив их возможностями серв-машины. Понимаешь, о чем я?

– Не совсем.

– В бою ты не должен задумываться над сиюсекундными действиями. Работай на привычных рефлексах, позволь «Одиночке» адаптировать твой боевой опыт и ни в коем случае не допускай мысль о том, что «это не „Тайфун“». Теперь понятно?

– Более или менее.

– Доверься машине. У «Хоплита» запас прочности – на десяток аэрокосмических истребителей...

Их диалог оборвался сам по себе: сканеры машин зафиксировали огромные, плотно сомкнутые модульные ворота и одновременно – неясные сигналы за спиной в глубине уже пройденных тоннелей.

– Сзади движение, – предупредил Иван.

– Вижу, – отозвался Илья Андреевич. – Вот что, лейтенант, смотри на схему, у нас есть два боковых ответвления основного тоннеля, почти перед самыми воротами. Механизм створов наверняка не функционален. Вне стен цоколя инсекты подготовили для нас встречу. Твое мнение?

– Учитывая сигналы из глубины цоколя, предполагаю, что нас атакуют одновременно с двух направлений, как только ворота будут открыты. Если выбить их ракетным залпом, велик риск повреждений, мы фактически находимся в трубе, по которой пойдет ударная волна. – Рассуждая вслух, Иван смотрел на боковые проходы. Лагутин не зря обратил его внимание на эти ответвления основного тоннеля. Хорошее укрытие, но оттуда не произвести залп, способный выбить многотонные створы.

– *Беатрис, у нас есть альтернатива ракетному удару по воротам?*

Ответ «Одиночки» последовал незамедлительно:

– *В комплектацию серв-машины входят средства для подрыва бронированных укреплений. Установка зарядов осуществляется при помощи технических манипуляторов.*

– Илья Андреевич, если мы используем заряды направленного взрыва? – Дорохов понимал – его экзаменуют. При этом Лагутин, отлично осведомленный о возможности подрыва ворот, позволял ему тратить драгоценные секунды на консультацию с киберсистемой.

– Добро. Ставь заряды. Таймер на тридцать секунд, твое укрытие – левый проход.

Иван развернул машину, приближаясь к мощной, устоявшей перед бегом неумолимого времени преградой. Из-под поворотной платформы «Хоплита» выдвинулись гибкие технические манипуляторы. Перед мысленным взором появилась схема установки зарядов.

– *Действуй, Беатрис.*

Манипуляторы пришли в движение.

Минутой позже, когда был установлен последний заряд по схеме, гарантирующей, что оба створа вылетят наружу, превратившись в своего рода поражающие элементы для тех, кто находится в непосредственной близости от ворот, Иван, уводя «Хоплит» в боковое ответвление тоннеля, мысленно отметил, что сигналы на сканерах стали четче.

– Готов? – В голосе Лагутина проскользнули нотки вполне понятного напряжения.

– На позиции.

– Включай таймер. После взрыва дожись, пока обломки рухнут. Двигаемся парой, я веду фронтальный огонь и контролирую левый фланг, ты – правый и тыл. Ни в коем случае

не менять направление стрельбы. Что бы ни творилось вокруг – останавливаться запрещаю, опережать меня тоже. Дистанция пятьдесят метров, построение – уступом.

– Я понял.

Сканеры целевого монитора уже отчетливо обозначили движение группы насекомых в глубинах магистрального коридора.

Секунды обратного отсчета утекали в вечность...

Семь... Пять... Три...

От взрыва, казалось, вздрогнул весь цоколь.

Многотонные керамлитовые¹⁴ плиты в буквальном смысле выбило наружу, а ударная волна рванула назад по магистральному тоннелю, сметая на своем пути все, что выступало за пределы образующих границы прохода стен. Чудовищной силы порыв ураганного ветра поднял и гнал перед собой копившийся веками мусор, превращая осколки пластика и мелкие твердые предметы в шрапнель.

Об насекомых, наступавших из глубин цоколя, можно было забыть, да Иван и не думал о них, ясно представляя последствия прохождения ударной волны. Все внимание Дорохова в данный момент сосредоточилось на открывшемся проходе.

Тусклый свет пасмурного полудня щедро хлынул сквозь скрученные в спираль завихрения дыма. Сканеры автоматически взяли увеличение, и Иван вдруг ощутил иную, неведомую ему ранее ритмику событий: время как будто утратило привычные свойства физической величины, он видел, как массивные створы ворот, пролетев примерно тридцать метров, коснулись земли. Все происходило словно в замедленной съемке – медленно вращающиеся серо-стальные плиты рухнули, выбивая глубокие борозды в мерзлой почве, последовал еще один конвульсивный толчок, и вдруг все обозримое пространство за открывшимся проемом вздыбилось десятками черно-оранжевых султанов.

Мины!..

Сенсорные мины, рассчитанные на поражение тяжелой планетарной техники!

Тонны вырванной земли, казалось, повисли в воздухе, и вдруг, ломая субъективное восприятие, прорываясь сквозь адский грохот, в коммуникаторе прозвучал сухой отчетливый приказ Лагутина:

– Вперед!

Время остервенело сорвалось в стремительном беге миллисекунд: дымные султаны еще только начинали опадать, комья мерзлой земли градом низвергались с небес, сизо-черные облака клубились, ширились, укрывая глубокие воронки, а «Хоплит» Лагутина уже вышел из уродливого пролома, на ходу слегка повернув рубку, чтобы в зоне эффективного сканирования оказался фронт и левый фланг.

Рассудок Ивана на мгновение потонул в потоке данных. Боевой сканирующий комплекс «Аметист» фиксировал шестьдесят восемь целей в зоне правой полусферы, транслируя пилоту их классификацию, дистанцию до обнаруженных объектов, значения высоты относительно уровня основания цоколя, энергооснащенность, расчет приоритетов упреждающего огня в зависимости от степени потенциальной угрозы...

«Хоплит» Дорохова, автоматически развернув рубку вправо, успел сделать пять шагов, когда задняя полусфера сканирования начала полниться сигналами, расположенными по краю древнего сооружения.

Их взяли в плотное кольцо и не собирались выпускать. Новые чувства, основанные, как показалось Ивану, на интуиции, стучались в рассудок, требуя немедленных, адекватных обстановке действий, и...

¹⁴ Керамлит – металлокомпозитный материал, использующийся для бронирования боевой техники, укреплений и т. д.

Его сознание внезапно переключилось на иное восприятие реальности. Это произошло мгновенно, без какой-либо предварительной подготовки, он (как показалось) вмиг утратил все человеческое, но то было лишь мимолетное чувство жутковатой новизны, – потаенный смысл полного нейросенсорного контакта, оказывается, не ограничивался приемом данных от сенсоров и мысленной отдачей распоряжений, нет, психологическая составляющая играла едва ли не решающую роль при взаимодействии человека с кибернетической системой.

Миг, когда рассудок уже не мог отделить собственную плоть от керамлита бронеплит «Хоплита», когда сенсоры стали глазами, слухом, еще чем-то, не поддающимся мгновенному осмыслению, он уловил обратную связь – это «Беатрис», производя сотни, если не тысячи мгновенных действий, чутко прислушивалась к ритму биения человеческого сердца, ловила каждую мысль, ассоциируя себя с пилотом в той же степени, в какой он ощутил слияние с машиной.

Иван не мог себе представить, что подобное возможно в принципе. Ни один урок мнемонической подготовки не шел ни в какое сравнение с данностью.

Случилось то, что должно было случиться, – нервная система человека в секунду запредельного осознания грозящей опасности приняла новые возможности, исходящие от кибернетических компонентов, не размениваясь на страхи и фобии.

Жуть накатила и отхлынула, в душе осталась звенящая, напряженная нота кричащей новизны, но и она разлетелась вдребезги с первым ракетным запуском, от которого взвыли тревожные датчики аларм-процессора.

Иван уже не думал – он действовал.

Пятидесятимиллиметровая зенитная установка, расположенная на «загравке» серв-машины, развернулась с ноющим визгом, и тугая очередь разрывных снарядов хлестнула по верхней кромке цоколя, где среди огрызков стен заняли позиции инсекты, вооруженные ручными пусковыми комплексами.

Левая полусфера, дистанция семьсот метров, высота парения – триста, крупнотонажная цель.

«Хоплит» продолжал движение, следуя за ведущим, зенитная установка, отработав по руинам, вошла в режим одиночного огня, экономя боезапас, внимание Ивана теперь сосредоточилось на корабле инсектов, который поднялся над поверхностью планеты, намереваясь произвести массированный ракетный запуск.

Времени не оставалось даже на то, чтобы предупредить Илью.

Боевая связка... Глубокий смысл данного термина раскрывался именно в такие критические мгновения – серв-машина Лагутина двигалась, полностью игнорируя цели в зоне ответственности ведомого, и Иван каждым нервом почувствовал: Илья доверился ему как самому себе...

Могут ли в такие секунды приходить в голову посторонние мысли?

Как выяснилось – могут.

Там, где смерть обнажает клыки, нет места *мелочам*. Дорохов не помнил, чтобы когда-либо раньше он воспринимал столько мелких, незначительных деталей, но новые ощущения гармонично вплелись в ноющий звук независимой подвески, на которой крепилась сборка ракетных тубусов.

Заглушки пусковых стволов со звоном отлетели и повисли, раскачиваясь на тонких тропиках...

Шаг в сторону, к одинокому огрызку стены из потрескавшегося желтоватого стеклобетона. По телу вдруг поползли мурашки. Он смещался с таким расчетом, чтобы машина Ильи не попала в зону поражения от ракетного залпа корабля инсектов.

Время застыло. На глянце термостойкого покрытия тубусов – мутный блик.

Левый серводвигатель чуть приподнял пусковую установку и...

Он видел огонь: жадные языки пламени поочередно вырывались из стволов, опережая первый сполох, который должен был появиться в носовой части космического корабля насекомых.

Успел...

Иван не предполагал, что его нервная система способна на подобное, предельно детализированное восприятие событий, в пределах миллисекунд. Сейчас для него не играла никакой роли *цена нового уровня восприятия данности*: он не задумывался о последствиях, лишь датчики «Беатрис» зафиксировали, как всплеск метаболических реакций в организме пилота в буквальном смысле сжег добрый килограмм его веса.

В шею Дорохова впился первый микроинъектор системы поддержания жизни.

Он не чувствовал легкого укола – его рассудок ушел вслед за огненными росчерками ракетного залпа, ударившего в борт черного как смоль корабля.

Нестерпимая вспышка, далекие, похожие на рой точек, обломки органической брони и горячий бутон взрыва – исполинский цветок, распутившийся в серых небесах.

Минус три секунды.

Отчет таймера.

Жизнь, прожитая в крохотном отрезке данности.

Частицей сознания Иван оценивал события, спрессовавшиеся в несколько секунд, понимая, что былое мировоззрение никогда уже не вернется, он стал другим, но трансформация рассудка еще не окончена, и единственной оценкой происходящего, мерилom любого действия станет не количество полученных повреждений, не число уничтоженных противников, а то, кем он выйдет из боя, сможет ли сохранить свою личность после скачков темпорального потока или его самосознание, нырнув в омут нейросенсорного контакта, навек застрянет тут, в виртуальной реальности оцифрованной Вселенной.

Некогда. Не сейчас.

Ракетные комплексы разломившегося пополам, падающего корабля насекомых все же произвели залп; со стороны картина происходящего внушала ужас: десятки прямых как стрелы инверсионных шлейфов наискось били в землю, вздымая тонны мерзлой земли в двух километрах от цоколя, приблизительно в том месте, где «Аметист» фиксировал множественные цели.

Сейчас там царил натуральный ад, к терзающим чахлый низкорослый лес разрывам добавилась тяжелая судорога падения двух отделившихся друг от друга фрагментов космического корабля, часть активных сигналов на вариаторе целей тут же начала меркнуть, а на частоте связи раздался скупой комментарий Лагутина:

– Иван, отстаешь! Держи дистанцию!

Кровь бешено ломилась в виски.

Уколы микроинъекторов стали чаще, мусть в сознании мгновенно рассеялась, взгляд уже цепко фиксировал общую картину боя, радикально изменившуюся за тридцать секунд, прошедших с момента появления «Хоплитов» на открытом пространстве.

Машина Ильи Андреевича шла по перепаханной воронками целине (минутой ранее там располагалось минное поле, подорванное падением многотонных ворот). Оба орудия ведущего «Хоплита» работали, смолкая лишь в момент перезарядки, мимо, оставляя мутные шлейфы, промелькнуло несколько выпущенных по нему ракет, от которых Лагутин уклонился, даже не сбившись с темпа тяжелой поступи.

Иван развернул машину, возвращаясь к намеченному курсу.

Мимо видеодатчиков сыпались пустые кофры, выброшенные механизмом перезарядки зенитного орудия.

Мгновенный взгляд назад.

Кромка цоколя, истерзанная снарядами, в нескольких местах змеилась свежими трещинами, у подножия исполинского сооружения снег покрывала копоть, хлопья сажи кружили в воздухе, со стороны редколесья короткими разрядами бил импульсный лазер, справа чадно горел еще один корабль насекомых, сбитый Лагутиным.

– Внимание, они выдвигаются нам навстречу. Решили контратаковать. Экономь боеприпасы, Иван.

– *Где еще три корабля?*

– *Горизонт сканирования чист. Фиксирую множественные наземные цели, классификация – пехота противника.*

Иван не мог визуально сосчитать количество противников. Целевой монитор выдавал цифру в сто пятьдесят четыре единицы только в зоне его ответственности. Волна насекомых накатывалась с фронта и обоих флангов. Основной удар принимал на себя ведущий, но Дорохов помнил приказ: не останавливаться, что бы ни случилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.